

34.25.7

СОЗДАЮЩАЯ ЦЕРКОВЬ МОЮ
И ВРАТА АДА
НЕ ОДОЛЖУТСЯ

ХР. СВ. ДУХА.

ХР. СВ. ТРОИЦЫ.

ВѢСТНИКЪ ВИАЕНСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО СЪ ДУХОВСКАГО БРАТСТВА

15 Февраля 1915 г.
№ 4 (190).

Двухнедѣльный журналъ рел.-нрав. и церк.-общ. жизни Сѣв.-Зап. края, съ бесплатными приложениями: „Литов. Епарх. Вѣд.“, „Листокъ для народа“, „На служеніе слову Христовой истины“. Подписная плата на годъ для обязательныхъ подписчиковъ 5 руб. съ перес., для необязательныхъ—на годъ 3 руб. съ перес., на 1/2 года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р., за мѣс. 40 коп. Отдѣльные номера—20 коп. Подписка принимается въ Вильнѣ при Литов. дух. семинаріи. Св. Синодомъ журналъ разрѣшенъ къ вытиску во всея церк.-прих. школы края. Адресъ: Вильна „Вѣстникъ Братства“ Литовская Дух. Семинарія.

Изд. 9 годъ
1915 г.

Содержаніе № 4:

1. Доблестному русскому воинству.
Стих. Е. Н. Миллеръ 48	4. Несообразность С. С. 51—53
2. Историческій день 48—50	5. Червонной Руси. Стих. В. Опочинина 53
3. Русская государственность и украинство Проф. А. Погодина 50—51	6. Отклики Галицкихъ событій 53—60
	7. Хроника церк.-обществ. жизни . . . 61—62
	8. Помогите родной Галичинѣ 62

При семь № бесплатно прилагаются: а) „Почему въ третью недѣлю Великаго поста совершается поклоненіе Честному Кресту“; б) „Поученіе передъ исповѣдью“; в) „Литовскія Епархіальныя Вѣдомости“ № 4-й—1915 г.; г) „Листокъ для народа“ № 4 й—1915 г. (2—10 экз)

Доблестному русскому воцству.

Тёмная туча надъ Русью сгустилась
И разразилась кровавымъ дождемъ;
Громъ непрерывно и глухо грохочеть,
Грозныя молніи блещутъ огнемъ.
Но не смутилась Россія родная,
Бранный свой мечъ обнажила опять;
Словно орловъ величавая стая,
Движется стройно за ратию рать.
Рѣять надъ ними побѣдно знамена,
Рѣя о воинской славѣ, шумятъ;
Мѣрно бряцаетъ оружіе. Ярко
Сталью штыки ихъ на солнцѣ блестятъ.
Богъ буди въ помощь вамъ! Въ грозныя
битвы

Съ нашимъ коварнымъ и злобнымъ врагомъ
Смѣло идите съ словами молитвы,
Съ вѣрой себя осѣняя крестомъ.
Смѣло идите! За правое дѣло
Вами изъ ноженъ былъ мечъ извлеченъ,
Послѣ побѣды лишь правды надъ злобой
Снова обратно въ нихъ вложится онъ.
Врагъ нашъ и храмы Господни святыя
Дерзкой рукою безстрашно сквернилъ,
Грабилъ и жегъ наши веси родныя,
Старцевъ, дѣтей, слабыхъ женъ не щадилъ,
Раненыхъ воиновъ, мучилъ лежавшихъ
На полѣ брани, вдали отъ своихъ;
Онъ состраданья не вѣдалъ къ страдаль-
цамъ,

Но палачомъ былъ жестокимъ для нихъ.
Смѣло идите! На васъ съ упованьемъ
Смотритъ весь русскій великій народъ,
Внемлетъ душой вашимъ славнымъ дѣянъ-
ямъ,

Сердцемъ на полѣ сраженья живетъ.
Богъ буди въ помощь вамъ, храброя рати!
Смѣло идите съ молитвою въ бой,—
Въ бой за Царя, и за вѣру святую,
Честь и достоинство Руси родной.

Е. Н. Миллеръ.

Вильна, 15-го февраля.

Историческій день. Нынѣшнее празднество въ Виленскомъ Св.-Троицкомъ монастырѣ Виленской иконѣ Божіей Матери переноситъ нашу мысль къ 15 февраля 1495 г. Это былъ поистинѣ историческій день для Западной Руси и, въ частности, для западно-русской православной Церкви. 420 лѣтъ, тому назадъ, Вильна и нашъ край получили не только великую древнюю чудотворную икону, ведущую свое происхождение отъ св. Ап. и Евангелиста Луки и составлявшую родовую святыню византійскихъ императоровъ и московскихъ царей, но вмѣстѣ приняли привезшую ее московскую великую княжну, оказавшую вполнѣдствіи весьма важное вліяніе на политическую, національную, церковную и общественную жизнь Западной Руси.

Русскіе и польскіе историки сходятся во взглядѣ, что дочь Іоанна III Елена Іоанновна, вышедшая замужъ за великаго князя литовскаго, а вполнѣдствіи короля польскаго, Александра, есть личность, несомнѣнно, историческая, хотя еще неполнѣ выясненная и оцѣненная. Понятно, въ короткой журнальной передовой статьѣ невозможно сдѣлать полную оцѣнку личности и дѣятельности Елены Іоанновны. Въ данномъ случаѣ намъ желательно лишь напомнить важнѣйшія ея заслуги и тѣмъ показать, что избранный новый день для празднованія Виленской чудотворной иконѣ Богоматери является днемъ историческимъ: съ прибытіемъ въ этотъ день (въ 1495 г.) великой московской княжны начинается новая полоса и открывается новая историческая страница церковной и гражданской жизни Западной, или Литовской Руси.

Бракъ по расчету, бракъ политической, сразу поставилъ молодую московскую княжну на чужбинѣ въ водоворотъ политическихъ интригъ и страстей, и прежде всего, въ водоворотъ давней борьбы Москвы съ Литвою. Но молодая княгиня, унаслѣдовавшая политическій умъ и тактъ своего отца, съ честію вышла изъ этой борьбы. Приобрѣвши вліяніе на мужа, она, по выраженію историка Нарбута, явилась «Ангеломъ мира»,

мудро содѣйствуя установленію добрыхъ отношеній Москвы съ Литвою и сближенію ихъ между собою, что отразилось и на послѣдующей ихъ исторіи.

Затѣмъ, вопреки политикѣ своего отца, стремившагося привлечь къ себѣ оказавшихся въ литовскихъ владѣніяхъ русскихъ князей, и тѣмъ расширить и приумножить свое царство, Елена Іоанновна старалась привлечь русскихъ князей и бояръ къ великокняжескому литовскому Двору, задержать ихъ въ предѣлахъ Западной Руси, чтобы создать изъ нихъ оплотъ для укрѣпленія здѣсь русскихъ началъ, въ противовѣсъ началамъ польскимъ, чуждымъ коренному западно-русскому населенію. И ей удалось впервые объединить верхи западно-русскаго общества, создать въ Вильнѣ русскую партію. И хотя впослѣдствіи большинство этой партіи измѣнило своему знамени и вѣрѣ православной, но все таки меньшинство ея осталось имъ вѣрнымъ, а самая идея объединенія русскихъ людей передана среднему сословію—мѣщанамъ.

Еще важнѣе заслуга Елены Іоанновны для православной западно-русской Церкви. Всегда памятуя наказъ своего отца прежде всего держаться православной вѣры, она въ теченіе почти 18 лѣтъ своей жизни на Литвѣ вела непрерывную борьбу съ окружавшимъ ее католическимъ Дворомъ и, несмотря на всѣ ухищренія сильныхъ враговъ, не только осталась вѣрной православію, но помогла ему выдержать борьбу съ Флорентійской уніей и окрѣпить. Не говоря уже о многочисленныхъ и щедрыхъ «наданяхъ» православнымъ церквамъ и монастырямъ, Елена Іоанновна сумѣла создать и укрѣпить правовое положеніе въ государствѣ православной Церкви, обновить ея верхи, сблизить съ Церковью русскихъ бояръ, вдохновить ихъ на совмѣстную борьбу съ надвигавшимся католицизмомъ. Изданныя кородемъ Александромъ грамоты въ пользу православныхъ церквей и монастырей и построение послѣднихъ въ имѣніяхъ православныхъ князей, бояръ и другихъ ревнителей,—создали надолго прочное положеніе западно-русской православной Церкви.

Существенную помощь оказала также Елена Іоанновна возникновенію въ послѣдующее время западно-русскихъ братствъ. Въ западной Руси былъ древній обычай патронатства, т. е. покровительства православнымъ церквамъ и монастырямъ со стороны вліятельныхъ свѣтскихъ людей. Оно состояло въ охранѣ правъ этихъ церквей, также выражалось въ попеченіи объ ихъ матеріальныхъ нуждахъ, что сопровождалось широкимъ участіемъ мірянъ въ дѣлахъ Церкви. Елена Іоанновна сама принимала на себя патронатства и старалась распространять этотъ обычай и возвести его на степень законодательной правовой нормы; причемъ сумѣла установить границы вмѣшательства патроновъ въ дѣла церковной жизни и распорядженія церковной власти. Въ послѣдующее время право патронатства, съ согласія церковной и правительственной власти, стали пріобрѣтать отдѣльные приходы и общины, что въ связи съ другими обычаями положило начало стройной организаціи западно-русскихъ братствъ.

Упомянемъ также вообще о благотворномъ вліяніи Елены Іоанновны на современную ей и послѣдующую общественную жизнь западно-русскаго народа, особенно сказавшемся въ усиленіи общественной дѣятельности западно русскихъ женщинъ, сопровождавшемся весьма благими послѣдствіями и для православной Церкви. Хотя здѣсь женщина не была обречена на заключеніе въ теремахъ, какъ въ Московской Руси, но все таки не имѣла почти никакого вліянія на жизнь общественную; Елена же Іоанновна оказалась первой русской женщиной, выступившей на широкое служеніе государству, Церкви и обществу. Ея примѣръ вызвалъ цѣлый рядъ подражательницъ въ лицѣ кн. Елены Острожской, кн. Софіи Олельковны, кн. Хрептовичъ, жены Хр. Гарабурдины, Феодоры Зеновичъ, Дороты-Анны Абрамовичъ, урожденныхъ Воловичъ.

Эти весьма образованныя по своему времени западно-русскія женщины оказали великія услуги и западно-русской православной Церкви, и западно-русскому просвѣщенію устройствомъ школъ и типографій и стро-

еніемъ православныхъ храмовъ. Между прочимъ, упомянутыя двѣ послѣднія женщины, какъ извѣстно, были строительницами перваго братскаго храма въ Виленскомъ Св.-Духовскомъ монастырѣ.

Вотъ что напоминаетъ намъ день 15 февраля, какъ начало, можно сказать, новой полосы въ исторической жизни нашего края.

Пусть же лучезарный образъ «Ангела мира», благодѣтельница Западной Руси, Великой княгини Елены Іоанновны никогда не гаснетъ въ памяти мѣстнаго русскаго населенія, для чего было-бы очень желательно, кромѣ записи ея имени въ монастырскомъ синодикѣ, чтобы ежегодно 15 февраля на молебнѣ среди многолѣтія было установлено провозглашеніе «вѣчной памяти» той, которая принесла съ собою московскую Святую и создала свѣтлую полосу въ исторической жизни западно-русскаго народа.

Русская государственность и украинство.

Русская государственность зиждется на единствѣ русскаго государственнаго языка. Принципу единой государственности уваженіе къ національнымъ правамъ отдѣльныхъ народностей не противорѣчить.

Совсѣмъ иное дѣло—единство русскаго народа въ трехъ главныхъ его развѣтвленіяхъ—великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ. Это единство создало могущество русской государственности, а такъ какъ во имя свободнаго экономическаго, политическаго и національнаго развитія Россіи оно необходимо, то добровольное и взаимно благожелательное сохраненіе этого народнаго и государственнаго единенія является предпосылкой самаго существованія Россіи. Если бы малорусскій народъ потребовалъ національнаго обособленія въ видѣ обособленія языка въ управленіи и школѣ, то вслѣдъ за такимъ національнымъ отчужденіемъ, несомнѣнно, пошло бы и государственное. Другими словами, національно обособленная „Украина“, занимающая сплошную область отъ средней Россіи до единственно незамерзающаго русскаго моря—Чернаго, развилась бы, несомнѣнно, въ отдѣльную государственную область, стремящуюся къ полному государственному отчужденію и распаденію переходной Россіи.

Для тѣхъ, кто знакомъ съ современными украинскими чаяніями, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но это же настолько ясно и само по себѣ, что можно удивляться, почему объ этомъ

умалчиваютъ сторонники „украинскаго“ движенія изъ среды русской интеллигенціи, не принадлежащей къ «украинской» средѣ. Я думаю, что это происходитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, прежде всего и больше всего отъ неискренности. Многие думаютъ, что украинская затѣя просто невинное интеллигентское увлеченіе, что оно, все равно, не имѣетъ никакихъ видовъ на будущее, а потому, не относясь серьезно къ «украинству», не прочь «поглаживать его по головкѣ», въ душѣ подсмѣиваясь надъ ребячествомъ «украинофиловъ».

Если бы многихъ изъ русскихъ сторонниковъ украинства спросили на-чистоту, что они считаютъ возможнымъ предоставить въ смыслѣ національныхъ уступокъ украинскому движенію, тогда,—я совершенно въ этомъ убѣжденъ,—украинскіе вожди увидѣли бы въ лагерѣ своихъ противниковъ и многихъ изъ тѣхъ, кого они, по недоразумѣнію, считаютъ своими «друзьями». И рано или поздно, но это наступитъ.

Вторая же причина благожелательнаго отношенія русской интеллигенціи къ украинскому движенію заключается въ излишней довѣрчивости и необдуманности. Намъ продолжаетъ казаться, что русскому національному единству ничто не угрожаетъ, хотя въ дѣйствительности угрозы уже есть. Не забывайте, что во многихъ окраинныхъ областяхъ основа русской государственности, великорусская народность, расположена довольно тонкой полосой. Намъ необходимо охранить ее, чтобы сохранить и государственность. Недодуманность наша въ украинскомъ вопросѣ очень велика. Мы говоримъ: „Пусть они учатся въ низшихъ школахъ по-малорусски“, забывая, что логическая необходимость ведетъ отъ низшей школы къ высшей. Пусть учитель объясняетъ дѣтямъ все непонятное на ихъ собственномъ языкѣ, пусть въ судѣ свободно обращаются свидѣтели и подсудимые на томъ языкѣ, который имъ знакомъ, но пусть принципъ остается неизмѣннымъ, русскій народъ одинъ, русскій государственный языкъ долженъ господствовать на всей территоріи распространенія русскаго народа. Вѣдь и самъ этотъ народъ и языкъ его созданы изъ слиянія всѣхъ русскихъ нарѣчій и племенъ, о которыхъ говоритъ еще наша первоначальная лѣтопись. Развѣ языкъ Гоголя по своему словарю и структурѣ чисто великорусскій языкъ, развѣ на образованіе нашего литературнаго русскаго языка не оказали сильнѣйшее вліяніе западно русскіе и кievскіе ученые?

Не будемъ же дѣлить наше духовное наслѣдіе драгоцѣнное, когда оно составляетъ одно цѣлое. Не будемъ его дробить на кусочки и говорить: «Это мое, это твое». Все это «наше», общерусское достояніе, на которомъ основаны и сила, и значеніе нашего общаго государства. Нѣтъ сомнѣнія, что разумная русская политика, внося культуру и экономическую помощь въ темную массу галиційскаго крестьянства, еще болѣе укрѣпитъ дѣйстви-

тельно существующую и, къ счастью, еще не разрушенную «украинцами» связь великороссовъ съ малороссами въ границахъ одной государственности. (У. Р.)

Проф. А. Погодинъ.

Несообразность.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Москвѣ существуетъ нѣкое „Общество единенія народностей Россіи“.

Единеніе народностей Россіи дѣло хорошее и въ высокой степени важное. Поэтому и работа надъ этимъ единеніемъ была-бы достойна всякой похвалы и поощренія.

Но оказывается, что въ „Обществѣ единенія народностей“ это „единеніе“ понимается совершенно наизнанку. Оказывается, что оно скорѣе заботится о разъединеніи народностей Россіи, чѣмъ о ихъ единеніи. Ибо само это общество является обществомъ инородческимъ и имѣетъ свою цѣлью содѣйствовать именно обособленію въ культурномъ отношеніи каждой народности Россіи, чтобы затѣмъ обратить Россію въ чисто механической конгломератъ народностей.

Задаваясь столь „почтенной“ цѣлью новоявленное общество прежде всего обратило свое вниманіе на бѣлорусское и малорусское племена. Оно взяло эти русскія племена подъ свой протекторатъ и рѣшило создать изъ нихъ особая не русскія націи и затѣмъ устанавливать чисто механическую солидарность между этими новообразованными націями и націею русскою.

Уже одно это обстоятельство достаточно ясно обрисовываетъ характеръ дѣятельности „Общества единенія“ и служить достаточнымъ показателемъ того, чего намъ слѣдуетъ ожидать отъ этого общества.

Для проведенія своихъ идей съ 1 мая прошлаго года, „Общество единенія народностей Россіи“ обзавелось и своимъ печатнымъ органомъ, ежемѣсячнымъ журналомъ „Народы и области“. Передъ выходомъ въ свѣтъ этого журнала мѣстная сепаратическая пресса оповѣстила, что въ журналѣ примутъ-де участіе между прочимъ и выдающіеся „украинскіе“ и „бѣлорусскіе“ публицисты, разумѣется, изъ лагеря сепаратистовъ.

И вотъ теперь мы дѣйствительно встрѣчаемся на страницахъ этого журнала съ „перлами“ украинской публицистики.

Образцомъ „шедевровъ“ этого рода можетъ служить напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала „Народы и области“ статья по „украинскому“ вопросу подъ заглавіемъ „Печать молчанія“.

Въ толкованіи „Народ. и Обл.“ эта „печатъ молчанія“ наложена-де на уста 30-милліоннаго малорусскаго народа.

Этотъ народъ, составляющій добрую треть Русской націи и представляющій одинъ изъ важнѣйшихъ камней, легшихъ во главу угла при строительствѣ Русскаго государства со временъ самаго его основанія, теперь „Обществомъ единенія народностей Россіи“ изъ нѣдръ русской націи исключается и обращается въ особую инородческую націю, „Украинскую“.

Произведя такую операцію надъ малорусскимъ народомъ, „Нар. и Обл.“ проливаютъ крокодиловы слезы по поводу того, что на уста этого народа наложена-де печать молчанія. „Опекуны“ и „радѣтели“ малорусскаго народа изъ „Общ. един.“ на росятъ представить дѣло такъ, точно этотъ народъ не имѣетъ даже ни одного представителя въ Гос. Думѣ, и тамъ отъ его имени говорятъ какіе то люди, этому народу чуждые, посторонніе. А самъ-де этотъ народъ не принималъ даже участія въ великомъ актѣ общерусскаго единенія въ знаменательный день 26 іюля 1914 года.

И все это говорится въ сердцѣ Россіи, Москвѣ бѣлокаменной.

Кучка людей, прикрывшись флагомъ якобы единенія народностей и пользуясь неосвѣдомленностью широкихъ слоевъ русскаго общества въ дѣлахъ и секретахъ сепаратической работы на окраинахъ, смѣло оперируетъ съ новоизобрѣтеннымъ и совершенно невѣдомымъ самому малорусскому народу терминомъ „украинцы“.

Какъ извѣстно, это имя сравнительно недавно присвоила себѣ одна галицкая партія народныхъ отщепенцевъ, задававшаяся цѣлью обособить малорусскій народъ въ особую „украинскую“ націю и ради этого пускавшаяся во вся тяжкая. Этимъ путемъ партіи „украинцевъ“ въ 1912 году удалось добиться отъ австрійскаго императора Франца-Иосифа акта, въ которомъ былъ, наконецъ, названъ „украинскимъ“ и весь галицкій малорусскій народъ, до того называвшійся въ официальныхъ австрійскихъ документахъ русинами или рутенами.

На этомъ подмѣнѣ понятій, какъ извѣстно, австрійскія власти строили свои планы созданія великой „Украины“ подъ скипетромъ Габсбурговъ.

Теперь, съ занятіемъ нами Галиціи, все это отошло уже въ область преданій, и о былыхъ мечтахъ „украинцевъ-мазепинцевъ“ и ихъ вдохновителей и покровителей австрійцевъ и прусаковъ напоминаетъ лишь безсильный лепетъ бѣжавшаго изъ Львова въ Вѣну со всѣмъ своимъ штабомъ „украинскаго“ „Dila“.

Но дикая идея „украинской“ націи, совершенно чуждая и непонятная малорусскому народу попала подъ крылышко „Общества единенія народностей Россіи“ и теперь культивируется въ Москвѣ, доходя до такого, напирѣвъ, абсурда, какъ утвержденіе, что малорусскій народъ не имѣетъ своихъ представителей въ Гос. Думѣ.

Въ своемъ абсурдѣ о печати молчанія на устахъ „украинскаго народа“ журналъ „Нар. и Обл.“

исходить изъ факта закрытія выходившихъ до войны въ Кіевѣ „украинской“ газеты „Рады“ и „Маяка“.

Не имѣя, говорить онъ, своихъ представителей въ Гос. Думѣ „украинскій“, т. е. малорусскій народъ могъ-де заявлять о себѣ, о своихъ чаяніяхъ лишь путемъ прессы. И „украинская пресса, сплотившая возлѣ себѣ молодую интеллигенцію и лучшую часть народа, близкая и понятная простому человѣку по духу и языку, всегда вѣрно служила ихъ (чаяній) идеаламъ. Но этотъ путь сейчасъ для насъ заказанъ: „Рада“ и „Маякъ“ закрыты“.

Но подлинно-ли та печать, на которую ссылается „украинское“ „свѣтило“ изъ „Н. и Об.“, объединяла лучшую часть народа, подлинно ли она была „близка и понятна простому человѣку по духу и языку“ и дѣйствительно ли вѣрно отражала чаянія народа“.

Если-бы мы могли признать, что та „украинская“ пресса, о которой упоминаетъ авторъ „Печати молчанія“, объединяла лучшія силы народа, то намъ пришлось бы признать также и то, что лучшія изъ этихъ лучшихъ силъ объединялись вокругъ „Dila“, которое служило общепризнаннымъ авторитетомъ въ области „украинской“ мысли, политики и доблести.

На самомъ же дѣлѣ работа „Dila“ не можетъ быть названа иначе, какъ только работой каиновой.

Правда, въ области политическихъ мечтаній „Рада“ какъ будто съ нимъ нѣсколько расходилась. Но правда также и то, что ея первая статья послѣ объявленія намъ войны Германіей, указывавшая, что у „украинскаго“ народа одинъ общій съ русскимъ народомъ врагъ, была сейчасъ же по телеграфу передана австрійскимъ консуломъ своему правительству, какъ нѣчто совершенно неожиданное.

Значитъ, тамъ, во вражескомъ станѣ, были какія-то данныя, на основаніи которыхъ отъ „Рады“ ожидалось совершенно иного выступленія. Поэтому и о „лучшихъ силахъ“ „украинскаго“ народа, группировавшихся вокругъ извѣстнаго сорта „украинской“ прессы и о соотвѣтствіи идеаловъ этой прессы чаяніямъ народа можно бы пока и помолчать, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока „Dila“ не окончило еще своей каиновой работы.

Во всякомъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что выходящій во Львовѣ „Голосъ Народа“ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ идеаламъ и чаяніямъ народа, чѣмъ печать специально „украинская“.

Что же касается языка „украинской“ печати, то въ этомъ отношеніи она ужъ никакъ не можетъ быть признана „близкой и понятной простому человѣку“.

Языкъ этой прессы специально „украинскій“, т. е. испорченъ специалистами „украинцами“ съ исключительной цѣлью отдалить его какъ можно больше отъ языка общерусскаго.

Пишущему эти строки пришлось нѣсколько лѣтъ прожить въ одномъ изъ захолустій Малороссіи. Имена немало удивляло то обстоятельство, что мѣстная малорусская интеллигенція, интересуясь мѣстными народными изданіями, не беретъ въ руки „большой“ „украинской“ газеты.

— Почему вы, спросишь бывало малоросса-интеллигента, не интересуетесь „Радой“?

— Это, отвѣчаетъ онъ, товаръ не про насъ. Она печатается на особомъ, должно быть, галицкомъ языкѣ. Можетъ быть тамъ ее читаютъ и понимаютъ, но у насъ она читается и понимается съ трудомъ.

Такъ судить объ „украинскомъ“ языкѣ „Dila“ и „Рады“ малорусская интеллигенція.

О простомъ же народѣ и говорить не приходится: простой человѣкъ малороссъ безусловно скорѣе разберется въ профессорскихъ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, чѣмъ въ „Радѣ“.

Впрочемъ, вотъ отзывъ о языкѣ „Рады“ и другихъ „украинскихъ“ изданій безусловнаго авторитета въ этомъ вопросѣ, малорусскаго писателя И. С. Нечуй-Левицкаго.

Галицкій книжный языкъ, ввозимый къ намъ въ послѣдніе годы подъ маркой украинскаго, г. Левицкій называетъ*) тяжелымъ и нечистымъ, сложнымъ по латинскому или польскому синтаксису.

Это—галицкая смѣсь, въ основаніе которой положенъ старый галицкій говоръ, переходной къ польскому языку, со множествомъ польскихъ словъ. Для этой „галицкой смѣси“ передѣлываютъ или прямо заимствуютъ польскія слова. Языкъ украинской прессы г. Н.-Левицкій называетъ полонизованнымъ; въ немъ много словъ съ малорусскими корнями, но со странными приставками, будто сдѣланными наугадъ или позаимствованными изъ польскаго языка.

Переходя къ отдѣльнымъ изданіямъ современной украинской прессы, выходящимъ у насъ въ Россіи, г. Левицкій языкъ „Литературно-Науковаго Вистника“ въ Кіевѣ называетъ головоломнымъ. Газеты „Село“ и „Засивъ“ непригодны по языку ни для крестьянъ, ни для интеллигенціи; ихъ языкъ, по его словамъ, это школьныя упражненія, схожія съ карикатурой на языкъ малорусскій. Одинъ сельскій батюшка изъ Каневскаго уѣзда рассказывалъ г. Левицкому, что крестьяне слушали это „Село“, собравшись въ хатѣ одного грамотія, причемъ одинъ изъ слушателей выхватилъ номеръ изъ рукъ чтеца, изорвалъ его и въ досадѣ сталъ топтать ногами. На Волини крестьяне также перестали покупать эту газету изъ-за ея непонятнаго языка.

Немало неудачныхъ фразъ и словъ находить г. Левицкій въ „Запискахъ кіевского науковаго товариства“. Педагогическій журналъ „Світло“ предназначенъ для сельскихъ народныхъ учителей,

*) „Прикарп. Русь“ 27 октября 1912 года.

а между тѣмъ они, читая его могутъ наградить себя оттуда „всяческой лингвистической дрянью“. Наконецъ, языкъ газеты „Рады“ для малорусской публики вовсе неприемлемъ, такъ какъ онъ — смѣшонъ, чудень и непонятень.

Вотъ она „украинская“ пресса, „близкая и понятная“ простому человѣку.

Замѣтитъ ли этотъ человѣкъ исчезновение такой прессы?

Конечно, нѣтъ. И если можно говорить о печати молчанія на устахъ малорусскаго народа, то развѣ лишь по стольку, по скольку онъ не можетъ самъ непосредственно отвѣтить своимъ непризваннымъ опекунамъ и „благодѣтелямъ“ изъ „Нар. и Обл.“ и другихъ „украинскихъ“ организацій, произведшимъ этотъ народъ въ инородцы, изъ родныхъ сыновъ Руси въ пасынки.

С. С.

Червоной Руси.

Сколько древнихъ созвучій, знакомыхъ именъ,

Какъ въ забытой съ младенчества книгѣ,
Воскресаетъ теперь... Ты влачила вериги,
Символь вѣры твоей былъ врагомъ заклеимень

При кощунственномъ игѣ...

Но подъ гнетомъ суровымъ чужого ярма
Ты родныя слова сохранила...
Прикарпатская Русь короля Данила,
Твой языкъ самобытный глушила тюрьма,
Но тюрьма — не могила...

И повѣяло снова на насъ стариной,
Осѣнила насъ древняя слава...
Вѣдь, созвучья какія! вотъ Русская Рава,
Переворскъ, Перемышль, вотъ и Галичь
родной,

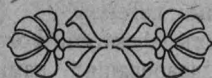
Вотъ и стань Ярослава!..

Незажившія раны омой, ороси
Ты слезами блаженными встрѣчи...
Видишь — праздникъ насталь... Слышишь русскія рѣчи?..

И въ церквахъ православныхъ Червоной
Руси

Пусть затеплятся свѣчи...

В. Опочининъ.

Отклики Галицкихъ событій.

У Владыки Евлогія.

26-го ноября пробылъ въ Вильнѣ нѣсколько часовъ гостемъ Высокопреосвященнѣйшаго Тихона, Высокопреосвященный Евлогія, Архіепископъ Волинскій и Житомирскій, проѣздомъ въ Петроградъ изъ Галиціи, которая поручена его архипастырскому попеченію. Владыка соблаговолилъ принять насъ для краткой бесѣды, темою которой, естественно, былъ новый присоединенный къ Россіи край.

„Галичане произвели на меня прекрасное впечатлѣніе. Это народъ искренно и глубоко расположенный къ православію, къ русской государственности, къ русской культурѣ. Мнѣ пришлось быть и совершать богослуженія во Львовѣ, въ Бродахъ и другихъ мѣстахъ Галиціи. Всюду я встрѣчалъ со стороны народа самое искреннее, самое сердечное отношеніе: меня встрѣчали толпы народа съ пѣніемъ, у украшенныхъ арокъ. Несмотря на 200-лѣтнее господство уніи въ Галиціи, народъ искренно приверженъ къ православію: въ настоящее время присоединилось къ православію до 45 приходоѡвъ.

Яркой характеристикой стремленія галичанъ ко всему русскому можетъ служить слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ г. Куликовѣ, Жолковскаго уѣзда. Тамъ я служилъ и присоединилъ къ православію нѣсколькихъ человѣкъ. Вечеромъ мы собрались въ читальнѣ имени Качковскаго; молодежь пѣла гимнъ „Пора, пора, за Русь святую“; подошли наши солдатики съ находившагося здѣсь воинскаго этапа, которые стали пѣть „Боже, Царя храни!“. Образовалось 2 хора — русскій и галицкій, и вдругъ галичане запѣли извѣстную русскую солдатскую пѣсню: «Солдатушки, бравы ребятушки, гдѣ же ваши жены». На удивленные разпросы солдатъ, откуда они знаютъ эту пѣсню, молодежь отвѣтила, что они любятъ и учатъ русскія пѣсни.

Еще разъ повторю, продолжалъ Владыка, что галицкій народъ вѣрить въ то, то Галиція останется русской, вѣрить въ окончательное торжество русскаго дѣла въ Галиціи.

И эта увѣренность была бы еще крѣпче, если бы народъ нарочно не смущали злонамѣренные люди разными вздорными, нелѣпыми слухами, направленными къ подрыву его тяготѣнія къ Россіи“.

Нашъ разговоръ коснулся далѣе циркулирующихъ въ нѣкоторыхъ кругахъ польскаго общества и польской печати слуховъ о томъ, что будто уніаты въ Галиціи насильно присоединяются и будутъ присоединяться къ православію.

„Напишите, — взволнованнымъ голосомъ заговорилъ Владыка, — что всѣми силами своей души я протестую противъ этого. Я слишкомъ люблю и слишкомъ уважаю нашу православную вѣру, чтобы навязывать ее такимъ недостойнымъ путемъ. Галицкій народъ, за исключеніемъ лишь мазепинцевъ, находившихся подъ влияніемъ митрополита Шептицкаго, тяготеетъ къ православію. Народъ хочетъ, какъ онъ говоритъ, чтобы въ Галиціи было „якъ у Кіевѣ, у Почаевѣ“.

Теперь я ѣду въ Петроградъ, чтобы сообщить о видѣнномъ мною и намѣтить основы церковнаго управленія Галиціей. Я глубоко убѣжденъ, что прочное русское государственное устройство Галиціи возможно лишь при услови организаци тамъ русскаго церковнаго управленія. Меня очень заботитъ вопросъ о священникахъ. Впоследствии, когда жизнь войдетъ въ норму, когда вернутся заточенные въ австрійскія тюрьмы священники, видно будетъ, какъ поступить. Я думаю также воспользоваться священниками изъ Холмской епархіи, знающими малороссійскій языкъ. Съ униатскими священниками я хочу жить въ мирѣ, пусть они сами рѣшаютъ, куда и за „кѣмъ имъ идти“. (Вил. В.).

А. Власовъ.

Въ русской Галиціи.

Въ концѣ прошлаго года въ Петроградѣ состоялось собраніе галицко-русскаго общества, на которомъ былъ сдѣланъ очень интересный докладъ чл. Гос. Думы, свящ. М. М. Митроцкимъ, который съ жизнью Галичины хорошо ознакомился за время двухмѣсячнаго пребыванія въ этой возвращенной къ Россіи древней русской области.

Докладчикъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ яркихъ штриховъ очертилъ жизнь русскаго населенія Галичины до войны, когда оно находилось подъ австрійскимъ и польскимъ игомъ. Чего только не вынесли бѣдные русскіе люди: и запрещеніе говорить на русскомъ языкѣ, читать русскія книги и газеты, постоянныя преслѣдованія за вѣру православную, аресты, заключенія въ тюрьмы, смертныя позорныя казни. По всей Галиціи передъ войной изъ двухъ съ небольшимъ тысячъ православныхъ священниковъ было заключено въ тюрьмы 860. Долго томилась православная галичане подъ австрійскимъ игомъ и ждали избавленія. И оно пришло. Вступили въ Галицію русскія войска, вытѣснили оттуда врага и принесли освобожденіе своимъ изстрадавшимся братьямъ.

Свящ. Митроцкій въ своемъ докладѣ нарисовалъ рядъ трогательныхъ эпизодовъ, которые характеризуютъ отношеніе населенія Галиціи къ „завоевателямъ“.

Вотъ разсказъ студента, освобожденнаго изъ тюрьмы русскими по прибытіи ихъ въ Львовъ.

„Мы много уже дней томилась въ Львовской тюрьмѣ, ожидая со дня на день рѣшенія своей участи. 20 августа съ восточной стороны города стали раздаваться пушечныя выстрѣлы. Мы не могли понять, что это означаетъ. Наши тюремщики не отвѣчали ни на одинъ нашъ вопросъ. На другой день послѣ полудня мы услышали громкіе восторженные крики народа, кого то привѣтствовавшаго. Мы были въ недоумѣніи. Прошло часа два... Вдругъ мы слышимъ шумъ около нашей камеры, гдѣ было заключено 39 узниковъ. Громкій повелительный голосъ обращается къ тюремной стражѣ съ требованіемъ отворить двери. Мы услышали русскую рѣчь. Въ камеру вошли члены львовскаго суда въ парадныхъ одѣяняхъ; вмѣстѣ съ ними вошелъ офицеръ въ русскую походной формѣ. Мы всѣ столпились въ углу камеры, какъ бы ожидая чего то необычайнаго. Офицеръ громко и рѣшительно произнесъ:

„Именемъ Государя Императора Великой Россіи я объявляю вамъ свободу!“

Мы всѣ какъ бы опѣшили отъ этихъ словъ. Минута прошла въ молчаніи. Но вотъ раздался робкій голосъ одного заключеннаго съ нами крестянина:

„Графъ Бобринскій, это вы?“

Мы пристально взглянули въ лицо офицера и узнали въ немъ горячаго борца за жизнь и интересы галицкаго народа.

Въ ту же минуту всѣ мы, какъ одинъ, опустились на колѣни и стѣны тюрьмы огласила тихая благодарственная молитва“.

Трудно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ встрѣчали галичане русскихъ воиновъ. Солдатамъ и офицерамъ цѣловали руки, встрѣчая ихъ не какъ завоевателей, а какъ освободителей отъ вражескаго ига. Съ особеннымъ восторгомъ повсюду встрѣчали православныхъ русскихъ священниковъ. Докладчику пришлось быть по дѣлу въ одномъ изъ сель. Прибылъ онъ туда вечеромъ. Онъ еще не успѣлъ доѣхать до села, какъ былъ встрѣченъ крестнымъ ходомъ съ крестами, хоругвями, иконами. На другой день онъ служилъ въ этомъ селѣ обѣдню. Передъ обѣдней мѣстные крестяне просили его отслужить панихиду на кладбищѣ. „Я отправился на погостъ,—разсказываетъ от. Митроцкій,—тамъ увидѣлъ свѣжую могилу, увѣчанную восьмиконечнымъ крестомъ. На крестѣ надпись, гласящая, что здѣсь погребенъ русскій офицеръ, командиръ такой-то части, и три нижнихъ чина. Я началъ служить панихиду. Мѣстныя дѣвушки и крестяне начали пѣть молитвы. Слезы мѣшали имъ, такъ что къ концу только одинъ дьячекъ пѣлъ, а крестяне со слезами горячо молились объ упокоеніи своихъ избавителей. По окончаніи панихиды войтъ, сѣдой старикъ, обратился ко маѣ:

„Мы до сихъ поръ не служили здѣсь панихиды, не было священника, но въ хорошую погоду по вечерамъ наши дѣвчата часто приходили на эту дорогую намъ могилу и спѣвали погребеннымъ вѣчную память“.

Галичане считаютъ русскихъ воиновъ за какихъ-то необыкновенныхъ людей. Въ одномъ селѣ, на примѣръ, съ удивленіемъ и восхищеніемъ разсказывали, какъ русскіе солдаты и офицеры, проходя черезъ село, остановились передъ закрытой церковью на площади и, ставъ на колѣни, молились. «Развѣ стали бы австрійскіе офицеры молиться вмѣстѣ съ солдатами?—говорили мѣстные жители.

Въ одной деревушкѣ наши войска скупили скотъ для ѣды. Къ офицеру является мѣстная женщина, приноситъ деньги, полученныя ею за взятую у нея корову и проситъ вернуть ее, такъ какъ у нея есть дѣти. Корову уже была зарѣзана, и потому офицеръ сказалъ женщиѣ, что на другой день черезъ село будутъ гнать скотъ и она тогда можетъ выбрать себѣ другую корову. И дѣйствительно на другой день, когда прогоняли скотъ, женщиѣ предоставили по ея выбору лучшую изъ цѣлаго гурта корову. Вѣсть объ этомъ случаѣ разнеслась далеко по окрестнымъ селамъ и около него стали слагаться цѣлыя легенды.

Много подобныхъ фактовъ можно было бы привести изъ исторіи „завоеванія“ нами Галиціи. Всѣ они

указываютъ, что наши войска принесли въ эту страну не мечъ, но миръ. Это знаетъ и цѣнить православное русское населеніе Галичины, потому-то оно и встрѣчаетъ русскихъ не какъ чужеземцевъ и завоевателей, а какъ своихъ спасителей, принесшихъ имъ свѣтъ новой жизни подъ крыломъ великой Россіи. А. С.

Какъ разстрѣляли о. М. Г. Сандовича.

«Прикарп. Русь», со словъ пріѣхавшаго во Львовъ изъ Горлицъ гимназиста Ванька, сообщаетъ слѣдующее.

„Я,—разсказываетъ Ванько, пріѣхалъ въ Горлицы, чтобы передать деньги въ управленіе тюрьмы для моего отца, который былъ арестованъ австрійцами и находился въ горлицкой тюрьмѣ. Въ воскресенье, 24 августа, въ 7 час. утра, мнѣ бросилось въ глаза необыкновенное движеніе на улицахъ. Около суда и находящейся вблизи тюрьмы собралась громадная толпа, которая ожидала чего то. Кромѣ мужчинъ были также женщины и подростки. Всѣ необыкновенно взволнованы. Я прислушался къ разговорамъ и къ моему величайшему ужасу узналъ, что сейчасъ будутъ казнить «московского попа за Ждыни». У меня заняло сердце отъ боли, но я рѣшилъ остаться, чтобы быть свидѣтелемъ мученической смерти о. Максима. Передъ зданіемъ суда стояла группа чиновниковъ и жандармовъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ томительнаго ожиданія, которое показалось мнѣ вѣчностью, вывели о. Максима изъ тюрьмы. Онъ шелъ съ достоинствомъ на мученическую смерть, одѣтъ былъ въ рясу, только наперсный трехраменный крестъ съ него сняли. Поставили его возлѣ стѣны и уѣздный начальникъ Тадеушъ Митшка прочелъ приговоръ, изъ котораго я запомнилъ только одно, что казнь происходитъ не по приговору суда, а по приказу краковскихъ военныхъ властей. Послѣ прочтенія этого своеобразнаго приговора одинъ изъ жандармовъ подошелъ къ о. Максиму, чтобы связать ему руки, но о. Максимъ просилъ не дѣлать этого. Тогда жандармъ завязалъ ему глаза платкомъ и сдѣлалъ мѣломъ бѣлый значокъ на груди. На разстояніи около 25 метровъ отъ о. Максима сталь отрядъ изъ тирольскихъ стрѣлковъ.

Команда: разъ, два, три,—раздался выстрѣлъ.

О. Максимъ задрожалъ и, собравъ послѣднія силы, слабымъ голосомъ произнесъ:

„Да живеть русской народъ и святое православіе!“

Голова склонилась на грудь, всѣмъ тѣломъ оперся онъ о стѣну и черезъ мгновение упалъ на землю. Изъ тюрьмы послышался неистовый, страшный крикъ и раздирающія сердце рыданія. Это жена о. Максима, Пелагея Ивановна, наблюдавшая изъ окна тюрьмы казнь мужа, упала безъ чувствъ, и стѣны тюрьмы оглашались воплями несчастной женщины. Слышно было еще чѣто рыданіе. Всѣ обратили вниманіе также на рослую фигуру сѣдобородаго старца, въ другомъ тюремномъ окнѣ за рѣшеткой. Это былъ отецъ казненнаго, Тимофей Лукичъ Сандовичъ, находившійся тоже въ тюрьмѣ и бывший свидѣтелемъ мученической смерти своего сына. Между тѣмъ всѣ чиновники, жандармы и нѣкоторыя лица изъ толпы подошли къ упавшему. У меня не хватало силъ подойти и посмотреть, слезы затуманили

глаза и я поскорѣй хотѣлъ бѣжать отъ этой страшной картины. Вдругъ снова раздался выстрѣлъ. По приказу уѣзднаго начальника жандармъ еще разъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ лежавшаго уже на землѣ о. Максима, приложивъ дуло вплотную къ его головѣ. Послѣ казни, отъ одного чиновника я достовѣрно узналъ, что о. Максима казнили безъ суда. Ночью съ 23 на 24 августа, въ 11 часовъ, пришелъ изъ краковской корпусной команды приказъ разстрѣлять его, о чемъ ему сейчасъ же и объявили. Онъ просилъ разрѣшить ему написать письмо къ женѣ, которая находилась въ той же тюрьмѣ, въ сосѣдней камерѣ. Разрѣшили. Но когда утромъ онъ попросилъ разрѣшить ему лично проститься съ женой и отцомъ, то въ этомъ ему уже отказали. Супругу о. Сандовича австрійцы вывезли въ Терсгофъ возлѣ Градца.

Въ высшихъ духовныхъ петроградскихъ кругахъ получено извѣстіе, что австрійцами казненъ не только священникъ Сандовичъ, но и редакторъ журнала „Русская Правда“ Иларіонъ Пуркановичъ. Казнь послѣдняго совершена была въ Черновицахъ.

Получены свѣдѣнія о казни еще трехъ священниковъ руссофиловъ, одинъ изъ которыхъ, какъ сообщаетъ членъ Госуд. Думы, священникъ Митроцкій, былъ заколотъ штыкомъ публично на улицѣ.

Изъ галицкихъ впечатлѣній.

Приходя въ галицкое село, можно сразу опредѣлить, какое будетъ отношеніе его жителей къ русскимъ—по церкви.

Деревянная, полусгнившая, чернозеленая отъ сырости и плѣсени церковка, съ жалкимъ убранствомъ,—знай, что здѣсь орудовала противорусская партія и что хозяйинъ здѣсь—„ксендзъ“, слуга австрійскаго правительства, усердно строившій мостъ къ католицизму.

И разрушающаяся православная церковь, никѣмъ не поддерживаемая, своимъ видомъ говоритъ: „вотъ подождите еще немного,—рухну я, уберутъ мои обломки и съ ними вмѣстѣ выметутъ обломки православія“.

И въ такомъ селѣ, какъ бы въ противовѣсъ, обычно горделиво возвышается нарядный католическій храмъ, каменный костель, увѣренно тянется своими готическими башнями къ небу.

Невыгодное сопоставленіе для темнаго сельчанина...

И робко, смущенно прижимается къ землѣ бѣдная русская церковка. Могилой вѣетъ отъ черныхъ сырыхъ досокъ, которыми грубо, по правиламъ самой примитивной архитектуры, обшить подгнившій срубъ.

Въ такомъ селѣ ксендзъ—или на мѣстѣ, или въ „добровольномъ“ отъѣздѣ, гдѣ-нибудь въ глубинѣ Австріи; онъ пользуется свободой. Нерѣдко слышишь, что ксендзъ пошелъ служить священникомъ въ австрійскія войска (напр., священникъ мѣстечка Краковецъ).

Въ такомъ селѣ чаще и тверже раздаются обычные припѣвы населенія: „нищъ нима, войско было, все забрало“.

Но нерѣдки и другого рода картины. Подъѣзжаешь къ деревнѣ или мѣстечку и уже издали видишь родные купола. Хорошая каменная церковь. Внутренность обо-

рудована любовно. Уніатскія отличія мало бросаются въ глаза. Престоль стоитъ посрединѣ алтаря, который отдѣляется отъ молящихся иконостасомъ. Образовъ много и всѣ довольно хорошаго письма (въ церквахъ, болѣе приближающихся къ католическимъ, открыты престолы, кромѣ образовъ—статуи).

Можно быть заранѣе увѣреннымъ, что въ такомъ селѣ священника не найдешь: рука австрійскаго чиновника давнымъ-давно, при первыхъ раскатахъ грома, вывела его изъ среды пасомыхъ.

— Гдѣ вашъ батюшка?

— Въ Линцѣ.

Таковъ обычный отвѣтъ.

Да, это ужъ не совсѣмъ „добровольный“ отвѣтъ. Знаменитый Линцъ, долго будетъ онъ памятенъ русскимъ людямъ!

Въ такомъ селѣ жители не смотрятъ изподлобья на русскаго солдата. Здѣсь вы можете услышать:

— Наши опять перешли Санъ.

— Какіе наши?

— Да вотъ российское войско было „ваше“, а теперь—наше.

Въ одномъ изъ такихъ селъ остановился К—ій полкъ. Живо установилась связь съ населеніемъ посредствомъ церкви.

Полковой священникъ открылъ церковь, еще недавно терпѣвшую отъ австрійскихъ шрапнелей и бомбъ, слѣды которыхъ видны на стѣнахъ. Зазвучали колокола, потянулись въ храмъ сѣрыя шинели, а за ними—начала робко, потомъ смѣлѣе—бабы, „хлопы“, забракованные для военной службы, старики, дѣти.

Начали пѣть солдаты. Къ нимъ постепенно стали присоединяться женскіе и дѣтскіе голоса. А подъ конецъ службы всѣ присутствовавшіе пѣли, и нужно быгъ справедливымъ—свѣжіе звонкіе голоса дѣвушекъ и дѣтей оставили за собой мужской хоръ.

Начало было положено. Осталось упорядочить дѣло для будущаго.

Сейчасъ же отыскался офицеръ-музыкантъ, талантливый регентъ.

Послѣ второй всенощной, во время которой сложилось общее пѣніе, была устроена спѣвка. Блестящими глазами слѣдили разноцвѣтные платочки за мѣрными жестами регента. Разобрались по голосамъ сѣрыя шинели, дивчата, дѣти.

Характерно, что когда солдаты запѣли многолѣтне Государю Императору, бабы подхватили. Слова были имъ знакомы—раньше имъ привелось присутствовать при одной службѣ и онѣ выучили незнакомое до того пѣснопѣніе съ понятными имъ пожеланіями здравія русскому Царствующему Дому и благоденствія Россіи.

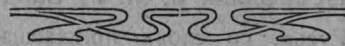
— Смотрите же,—говорили изъ хора дивчатамъ,—завтра, въ 7 часовъ утра, спѣвка, а въ 8 ч. обѣдня. Приходите обязательно на спѣвку.

На другой день на литургіи пѣвцы и пѣвицы размѣстились уже какъ слѣдуетъ быть на хорахъ. Стройное пѣніе неслое оттуда. И въ заключительномъ аккордѣ высокіе голоса галицкихъ дивчатъ и дѣтей наполнили обширные своды храма.

„Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю нашему Императору Николаю Александровичу всея Россіи“...

Нашему Государю, нашей Россіи—пѣли эти голоса.

Слезы навертывались на глаза и думалось: вотъ оно завоеваніе—мирное и безповоротное. (Арм. Вѣстн.)

Библиографія.

Наши Герои на Дальнемъ Востоку.

Примѣры ихъ доблестныхъ подвиговъ» Составилъ И. В. Преображенскій. Изд. 2-е. Цѣна 60 п.

Въ VII-ми главахъ этой книги тщательно собраны и опытной рукой автора расположены полученныя съ театра Японской войны корреспонденціи и разныя статьи разновременно напечатанныя въ разныхъ газетахъ и другихъ печатныхъ изданіяхъ, заключавшихъ въ себѣ сообщенія объ этой войнѣ вообще, и ходѣ ея въ частности. Корреспонденціи и статьи, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо блестящи по взложенію, выясняютъ „великое и славное: русскаго воинства въ войну съ Японіей“. Составленіе такой книжки, потребовавшее отъ автора много кропотливаго труда и немало времени, заслуживаетъ глубокой благодарности и вниманія отъ каждого истинно-русскаго человѣка. Ибо „собрать разнообразныя по разнымъ газетнымъ листамъ свѣдѣнія о геройскихъ подвигахъ отдѣльныхъ личностей, а также и о болѣе яркихъ и славныхъ эпизодахъ войны и затѣмъ свѣдѣнія эти возможно шире распространять путемъ печати въ обществѣ, въ народѣ, не только полезно въ видахъ національно воспитательныхъ, но и составляетъ долгъ родины предъ ея наиболѣе отличившимися на далекой чужбинѣ сынами. Въ этомъ послѣдніе могутъ находить удовлетвореніе законному чувству ихъ гордости (6 стр.)“. Такимъ мотивомъ объясняетъ появленіе своего труда въ печати и самъ авторъ. И кто съ его сужденіями не согласится?.. Содержание книги вызываетъ на то, чтобы поговорить о ней подробнѣе. И мы будемъ говорить преимущественно ея же словами...

Да, тяжела, страшно тяжела была для насъ японская война. У старорусскаго богатыря оказалось слишкомъ много враговъ во время веденія ея. Мало того, что японцевъ во всѣхъ бояхъ было не менѣе 2—3 на одного русскаго солдата, послѣднему приходилось биться въ слишкомъ несообразныхъ, непривычныхъ условіяхъ: японцы—врагъ, климатъ—врагъ, мѣстные жители—враги, разбросанность силъ, неподходящее къ мѣстнымъ условіямъ снаряженіе, черезчуръ тяжелое, непривычка къ горной войнѣ и самое главное—страшная отдаленность театра войны отъ С.П.Б., нынѣшняго Петрограда, невозможность скорыхъ сношеній, особенно ощутительная при малопровозной способности Манчжуркѣ (желѣзной дороги),— все это вмѣстѣ дѣлало то, что занесенная рука богатыря, вмѣсто того, чтобы

разгромить дерзкаго врага, падала, словно заколдованная злой волею, беасильная, мягкая, не разящая (стр 8). Остается прибавить къ этому безпримѣрный, еще неслыханный въ исторіи, почти годовой переходъ нашего флота въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, гдѣ не было ни ни портовъ, ни доковъ, ни соотвѣствующихъ машинъ, гдѣ люди работали до изнуренія, при 50 градусной жарѣ, грузя уголь въ открытомъ океанѣ, или голыми руками, раздирая имъ до крови пальцы, счищали на 28-футовой глубинѣ подъ водой облипавшія суда ракушки и водоросли. И все это, идя почти на вѣчную смерть, неизбѣжность которой почти всѣ предвидѣли (44)... Тѣмъ не менѣе всѣ шли навстрѣчу смерти, шли покорно во имя родины, пославшей ихъ противъ хитраго и многочисленнаго врага. Мало того, что покорно шли и отчаянно сражались: въ несчастную для насъ японскую войну доблестными нашими войсками и многими изъ ихъ предводителей „проявлено море молодецкихъ дѣлъ чудесъ и «храбрости и отваги» (5). Неимовѣрная выносливость и стойкость русской арміи изумляла заграничный военный міръ. Не только друзья, но даже явные наши враги и недоброжелатели высказывали убѣжденіе, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ началась и велась нами война съ Японіей, никакая другая армія въ мірѣ не была бы способна прозвѣть такихъ качествъ, которыя обнаружила армія русская (9).

Нашлись добрые люди у насъ, на Руси святой, которые, подобно *М. Крестовской* (см. «Нов. Врем.» № 11,048; кн. стр. 39—46), въ силу доблестей русскаго воинства, справедливо и горячо жаловались на то, что о чудесахъ храбрости и самоотверженія нашихъ войскъ въ минувшую войну почти ничего, по русской скромности, не сохранено у насъ для будущаго историка и, что прискорбно и постыдно, не сохранено не потому, чтобы героическихъ эпизодовъ дѣйствительно не было, а потому, что мы жалкіе и легкомысленные современники не только не сохранили ихъ для потомства, но даже не отмѣтили и для себя, и что всею прискорбнѣе и постыднѣе, такъ это то, что по большей части и не узнали про нихъ (40).

Нашлись къ радости друзей чловѣчества, и такіе, еще болѣе добрые, люди, которые, внявъ жалобѣ *М. Крестовской* и презрѣвъ привычку нашу скорѣе казнить преступленіе чье-бы то не было, чѣмъ превозносить доблесть и выдающуюся добродѣтель, стали печатать болѣе или менѣе обширныя статьи, въ которыхъ воскрешали съ похвалою геройскіе подвиги нашего воинства въ минувшую войну. Въ этомъ случаѣ «нельзя не поблагодарить глубоко почтеннаго сотрудника «Новаго Времени» *М. О. Меньшикова* за то, что онъ въ нѣкоторой мѣрѣ сдѣлалъ то, чего не догадывались или не хотѣли сдѣлать другіе и чѣмъ такъ справедливо возмущалась г-жа *Крестовская*. Въ своей прекрасной статьѣ онъ смѣло рисуетъ, какъ изъ разгрома и постыднаго малодушія, изъ пучины униженія, небывалаго и невѣроятнаго, поднимаются точно волшебные призраки, безчисленные примѣры мужества и неустрашимой смерти (ст. напеч. 13 мая 1908 г.; 47—53 стр. кн.) *М. О. Меньшиковъ* засвидѣтельствовалъ въ своей статьѣ геройство, самоотверженность нашихъ мо-

ряковъ. Другіе почтенные писатели занесли въ свои печатныя произведенія имена и фамиліи другихъ героевъ — защитниковъ *Портъ-Артура* и вообще — изъ Манчжурской арміи. Русское спасибо и этимъ авторамъ... Они занесли на скрижали печати подвиги не только предводителей, но и героевъ въ сѣрыхъ шинеляхъ... Все это, однакожъ, существовало въ разныхъ отдѣльныхъ статьяхъ, разрозненно, въ разныхъ газетахъ и печатныхъ изданіяхъ.

Но вотъ, нашелся неутомимый труженикъ — авторъ разсматриваемой книги — *И. В. Преображенскій*. Онъ потрудился собрать, насколько возможно было, разбросанныя по разнымъ газетнымъ листамъ свѣдѣнія о геройскихъ подвигахъ отдѣльныхъ личностей, а также и о болѣе яркихъ и славныхъ эпизодахъ трагической войны, и составить изъ всего этого цѣлую отдѣльную книжку, полезную, какъ мы упомянули выше, не только въ видахъ національно-воспитательныхъ, но и такую, которая является долгомъ родины предъ ея отличившимися въ далекой чужбинѣ сынами. Правда, какъ скромно заявляетъ почтенный авторъ этой книги, собранные имъ примѣры доблестныхъ подвиговъ нашихъ героевъ на Дальнемъ Востокѣ представляютъ собою лишь каплю въ морѣ такихъ же подвиговъ; но великое спасибо долженъ сказать каждый читатель автору и за этотъ трудъ, ибо и эта «капля» достаточно характеризуетъ проявленное нашими войсками мужество, чудеса храбрости, безавѣтной стойкости, преданности долгу службы, самопожертвованія и весь характеръ пережитой войны. Достаточно просмотрѣть въ книгѣ сказаніе объ изумительномъ геройствѣ нашихъ моряковъ (гл. III) и защитниковъ *Портъ-Артура* (гл. IV и V), чтобы убѣдиться въ этомъ...

Возьмемъ, впрочемъ, лучше въ руки, цѣлую эту книгу. Въ ней (во II гл., 13—19 стран.) возстаютъ предъ нами прежде всего *герои изъ священнослужителей*. Они «во время войны исполняли свои обязанности съ замѣчательнымъ самообладаніемъ, не щадили своей жизни и даже подавали воинамъ примѣръ мужества и героизма». Вотъ священникъ на крейсере «Варягъ», о. *Михаилъ Рудневъ*, подвергавшій ежeminутно, во время жестокаго боя, жизнь свою явной опасности. Онъ безтрепетно ходилъ по палубѣ корабля, залитой кровью, заваленной ранеными и искалѣченными трупами убитыхъ, напутствуя умиравшихъ утѣшая страждущихъ и воодушевляя сражавшихся и самымъ дѣятельнымъ образомъ помогая и въ уходѣ за ранеными. Вотъ дѣйствуетъ, по истинѣ какъ чудо храбрости, спокойствія и самоотверженія, получившій за подвигъ свой, можно сказать, мировую извѣстность, священникъ о. *Стефанъ Шербаковскій* (въ боѣ подъ Тюренченомъ). Онъ въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ благословляетъ солдатъ и съ пѣніемъ „Христось воскресъ“ идетъ во главѣ стрѣлковъ знаменной роты, подъ пулями и шрапнелями, сѣявшими смерть, и идетъ до тѣхъ поръ, пока, получивъ раненіе въ руку и ногу, не упалъ навзничъ, потерявъ сознаніе. Вотъ на крейсере „Аскольдъ“, во время жаркаго боя, *іером. Порфирій* геройски ходитъ по верхней палубѣ съ крестомъ, благославляя воиновъ, а вотъ священникъ о. *Ремезовъ*, вмѣстѣ съ вра-

чами Тугановымъ и Соболевымъ, въ Хаянскомъ бою восточнаго отряда графа Келлера, подъ огнемъ выходитъ за цѣль и подбираетъ и перевязываетъ раненыхъ. Вотъ дѣйствуетъ священникъ о. *Александръ Любомудровъ*. Проповѣдью своею къ бригадѣ, состоявшей изъ Тамбовскаго и Пензенскаго полковъ, онъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на воиновъ, и они подъ этимъ впечатлѣніемъ, уже въ первомъ сраженіи на Юшулинскомъ перевалѣ, выдержали геройскій бой съ противникомъ, въ 3—4 раза превосходившимъ ихъ своими силами. Самъ онъ, ободрая сражавшихся, былъ раненъ и умеръ отъ ранъ. Геройски ведутъ себя и священники, находившіеся въ осаждаемомъ Портъ-Артурѣ. Они находились на позиціяхъ подъ носившейся надъ ними смертью. Храбро дѣлили труды и опасности съ 33 мѣ Вост.-Сиб. стрѣлковымъ полкомъ и о. *Георгій Шавельскій* (нынѣ протопресвитеръ воен. и морск. духовенства). Онъ принималъ самоотверженное участіе въ нѣсколькихъ бояхъ, въ томъ числѣ подъ Вафангоу и у Лаояна, причемъ у Лаояна былъ контуженъ. Доблестнымъ и самоотверженнымъ героемъ проявилъ себя и *іером. Алексій* (Оконешниковъ,) а также священники: *Теодосій Станкевичъ, Георгій Теодоровъ, Теодоръ Скальскій, Василій Тюшняковъ и мн. др.*

Въ Ш-й гл. (20—57 стр.) переданы сообщенія объ изумительномъ героизмѣ нашихъ моряковъ въ сраженіи у Чемульпо командъ „Варяга“ и „Корейца“, и въ Японскомъ морѣ „Громобоя“, „Россіи“ и „Рюрика“. Въ одномъ изъ отдѣловъ этой главы съ великою грустью изображается погибель нашего флота подъ Цусимой и тутъ же благоговѣйно воспоминаются герои того времени: *Курсель, Вырубовъ, Богдановъ, Новосильцевъ* и др., отказавшіеся покинуть тонувшій уже „Суворовъ“ (послѣ сѣзда съ него на „Буйный“ адм. Рожественскаго) и рѣшившихся вмѣстѣ съ нимъ перейти въ вѣчность. Правда, *Небогатовъ* сдался, *Энгвистъ* бѣжалъ, но подавляющее большинство русскихъ моряковъ не сдавались и не бѣжали. И въ книжкѣ перечисляются фамиліи героев, которыхъ не должна забыть Россія: г. г. *Михлуха, Мусатовъ, Ждановъ, Трубицынъ, Зоричъ, Шейнъ, Зуровъ, Арцыбашевъ, Толстой, Дьяконовъ, Воронцовъ, графъ Виродъ, Свербеевъ, Агатьевъ, Шольцъ, Дурново, Гирсъ, Лебедевъ, Блохинъ, Коломейцевъ, Шутовъ, Вилькенъ, Храбро Василевскій, кн. Ливенъ, Фитингофъ, Дуржинъ, Ржлицкій, Грау, Измаиловъ, Челкуновъ, Огаревъ, Хлодовскій, Подгурскій* и мн. др. съ ихъ командами. Они не сдались и не слали своихъ кораблей. Броненосецъ „Александръ Ш“ гвардейскаго экипажа, „Ослабя“, „Бородино“, „Наваринъ“, „Влад. Мономахъ“, „Адм. Нахимовъ“, „Адм. Ушаковъ“, „Уралъ“, „Буйный“, „Грозящій“, „Стерегущій“, „Свѣтлана“, „Рюрикъ“ геройски запечатлѣли свои названія. Многіе изъ нихъ приняли не одну а три смерти, подобно „Суворову“, который былъ разстрѣлянъ, сожженъ и потопленъ, но не сдался. Словомъ—въ главѣ этой воскрешено въ памяти читателя событіе, совершившееся 14 мая 1905 г. и др., и дается скорби русскаго сердца немалое утѣшеніе... Пусть разбито тѣло русскаго флота, но осталась непобѣдимой душа его, пока въ немъ не перевелись люди, подобные толь-

ко что упомянутымъ героямъ. А ихъ, благодареніе Господу, много у матушки Россіи... Въ концѣ этой же главы приведенъ отзывъ японцевъ о героическихъ подвигахъ русскихъ моряковъ, доказавшихъ еще разъ въ Цусимскомъ бою, что „русскіе умираютъ, а не сдаются“. Одинъ изъ японскихъ моряковъ пишетъ о „Суворовѣ“ слѣдующее: „Суворовъ“ весь обгорѣвшій и еще горящій, разстрѣливавшійся нашей (японской) эскадрой, имѣвшій только одну, случайно уцѣлѣвшую, пушку въ въ кормовой части, все же открылъ изъ нея огонь, выказывая рѣшимость защищаться до послѣдняго момента своего существованія, пока плаваетъ на поверхности воды. Только послѣ двухъ атакъ японскихъ миноносцевъ онъ пошелъ ко дну. Съ нимъ вмѣстѣ пошли ко дну и благороднѣйшіе *Курсель* и *Богдановъ*, и убитый *Игнациусъ*, и раненые и не тронутые японскими снарядами русскіе люди, защищавшіе свой обгорѣвшій „Суворовъ“...

Эта глава заканчивается отдѣломъ, подъ заглавіемъ: „Къ открытію памятника чинамъ гвардейскаго экипажа, погибшимъ на броненосцѣ „Императоръ Александръ Ш-й“. Здѣсь между прочимъ сказано: Трудно для Россіи забыть то горькое и постыдное, что дала намъ несчастная, неподготовленная и незаконченная война. Но пора Россіи вспомнить и то великое, достойное вѣчной памяти, что въ отдѣльныхъ случаяхъ она дала намъ. Среди пораженій сколько было примѣровъ истиннаго героизма! Россія не должна забыть своихъ сыновъ—героевъ“.

Въ IV-й гл. (57—58 стр.), озаглавленной „Чѣмъ силенъ Портъ-Артуръ“—сказано между прочимъ: „Съ лихорадочнымъ вниманіемъ (писали въ свое время „Москов. Вѣд.“) слѣдилъ весь міръ за Портъ-Артурской эпопеей со сказочной по размѣрамъ, сверхчеловѣческой борьбой защитниковъ фортовъ, среди условий, предъ ужасомъ которыхъ блѣднѣютъ всѣ мифическія сказанія о борьбѣ титаническихъ силъ на зарѣ человѣчества. За тѣмъ на вопросъ: „Въ чемъ заключается объясненіе такой неустанной побѣды духа надъ органическими средствами человѣческой природы?“—дается отвѣтъ: „Вѣра, Царь, Отечество“,—вотъ то, во имя чего русскій народъ смогъ выдвинуть изъ среды своей подвижниковъ долга, способныхъ творить чудеса. „Религія и національность“,—вотъ что вселяетъ несокрушимую мощь въ душу русскаго солдата... За св. Крестъ Христовъ и за Русь православную бились отнынѣ бессмертные въ памяти міра русскіе подвижники вѣры и національной идеи на всякихъ Портъ-Артура. И каковъ бы ни былъ конечный исходъ кровопролитнаго состязанія подъ Портъ-Артуромъ, героическіе подвиги его защитниковъ сдѣлаются достояніемъ не только родной исторіи, но и міровая исторія внесетъ ихъ, какъ драгоценный вкладъ въ сокровищницу доблестныхъ дѣяній, которыми на протяженіи тысячелѣтій гордится человѣчество“.

Въ V-й гл. (59—103 стр.), состоящей изъ 29 отдѣловъ, сообщаются свѣдѣнія о „Герояхъ Портъ-Артура“. Каждый защитникъ Портъ-Артура (не то, что крѣпости, а просто укрѣпленнаго лагеря), отъ ген.-адъют. А. М. Стесселя до послѣдняго нижняго чина былъ ге-

роемъ, сказочнымъ удалцемъ, полнымъ несокрушимаго мужества, беззавѣтной отваги, стойкости, спокойствія, прямо невѣроятныхъ среди постоянныхъ опасностей. Мужественными, самоотверженными героями представляются въ историческіе дни осады Портъ-Артура и всѣ прочіе его обитатели, и не только мужчины, но и женщины. Къ сожалѣнію, начало и продолженіе командованія г. Стесселя не сошлось, какъ говорится, съ концомъ. Сдачею крѣпости онъ погубилъ славу, которую было стяжалъ и которая гремѣла о немъ по всему свѣту. Но слава гарнизона осталась не запятанною. Крѣпость была сдана, но не взята...

Въ одномъ изъ отдѣловъ этой главы прославляется подполковникъ *Бутусовъ*, имя котораго встрѣчается на каждомъ шагу въ описаніи 3—дневнаго штурма „Высокой горы“, и который во время этихъ ожесточенныхъ штурмовъ нашель для себя время, подъ пулями, написать въ „Новый край“ (жур. издав. въ Портъ-Артурѣ. глав. дѣят. въ которомъ былъ свящ. *Н. Глаголевъ*) некрологъ убитому въ этомъ же бою шт.-ротм. А. М. Бирюлькину (66 стр.); въ другомъ рассказывается, какъ 2 солдата завладѣли фортомъ съ 4 пушками и даже какъ 1 солдатъ, пробравшійся въ ущелье близъ одного японскаго ложементъ, побѣдилъ цѣлый японскій взводъ (67—68). Еще въ одномъ отдѣлѣ повѣствуется о геройствѣ женщины *Харитины Короткевичъ*, переодѣтой въ солдатскую одежду, участвовавшей во многихъ вылазкахъ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, несшей въ то же время должность вѣстового, передававшего съ одной позиціи въ другую порученія, безъ всякаго страха, но, къ величайшему сожалѣнію защитниковъ Портъ-Артура, убитой вмѣстѣ съ 8 солдатами въ то время, когда она отправлялась съ депешами къ передовымъ позиціямъ (87—88 стр.). Въ предпоследнемъ отдѣлѣ передано о славѣ защитниковъ Портъ-Артура въ легендарной ихъ борьбѣ за честь и достоинство Россіи во главѣ съ незабвеннымъ *Кондратенкомъ* и др. боевыми его товарищами (95—100 стр.), а въ послѣднемъ—опредѣляется значеніе процесса о сдачѣ Портъ-Артура. Здѣсь авторъ книги приводитъ письмо извѣстнаго *А. С. Суворина*. По мнѣнію его, *только* процессъ этотъ познакомилъ насъ съ бывшею войною, разобравъ всѣ подробности битвы при Кинъ-Чжоу и осады Портъ-Артура. Выяснилось, что Портъ-Артурцы побѣждали своихъ враговъ. Они не молили о сдачѣ, не требовали ее, не совѣтовали сдаваться. Они сражались, они умирали, они исполняли свой долгъ и готовы были умереть, какъ умирали ихъ товарищи и братья... Но начальство было гуманно и оно сдало Портъ-Артуръ изъ просвѣщеннаго чувства гуманности, изъ „гражданскаго мужества“, о которомъ не думали ни солдаты, ни офицеры, ибо на войнѣ—*самоотверженіе*: вотъ какъ тамъ называется *гуманность* (101—103 стр.; „Нов. Врем.“ № 11,439)...

Въ VI-й гл. (104—180 стр.) сообщены свѣдѣнія о герояхъ Манчжурской арміи. Въ ней 47 отдѣловъ. Въ нихъ изображены чудеса храбрости нашихъ войскъ и отдѣльныхъ личностей на примѣръ: кап. *Скуратова* полков. *Моравскаго*, подполк. *Линда*, шт.-кап. *Сапожникова*, кап. *Крыжановскаго*, подполковниковъ: *Я.*, *Шатилова*, *Феофилова*, поручиковъ: *Удовиченко*, *По-*

хитонова, *Матусевича* *К. П. Ковалевскаго*, *Хрущова* и мн. др., дѣйствовавшихъ въ Тюренченскомъ бою. Геройство и стойкость нашихъ войскъ въ этомъ сраженіи были настолько велики и проявлялись съ такою яркостью, что равныя имъ трудно указать даже и въ мировой исторіи войнъ. Надо знать, что въ этомъ бою силы противниковъ были далеко неравныя. Противъ нашихъ 4 полковъ дѣйствовали 4 японскихъ дивизіи и противъ 24 нашихъ пушекъ и 2 пулеметныхъ ротъ—120 японскихъ орудій, въ числѣ которыхъ были и осадныя. Все это изложено въ первыхъ отдѣлахъ. Въ одномъ изъ дальнѣйшихъ отдѣловъ рассказывается о молодецкомъ дѣлѣ хорунжаго *Ватурина* съ 14-ю казаками, о смѣломъ развѣдкѣ ротм. *Дроздовскаго*, сланныхъ подвигахъ сотника *Юрасовскаго*, казачьяго офицера *Грикопуло*, бывшаго въ отрядѣ генер. Мищенко, и, можно сказать, живмя—жившаго среди японцевъ, корнета *Роговскаго* и развѣдчика *Муратова* и особенно развѣдчика *Роголева* и др. Одинъ изъ дальнѣйшихъ отдѣловъ посвященъ блаженной памяти запасному рядовому 284 пѣх. Чембарскаго полка *Василію Рябову*, посланному на развѣдки, пойманному японцами и умершему по приговору японскаго начальства (разстрѣланнаго) за Царя, Вѣру и Отечество. Въ нѣсколькихъ дальнѣйшихъ отдѣлахъ изображены необыкновенное мужество подполк. *Пащенко*, шт.-ротм. *Ковальскаго*, офиц. *Грицевичскаго* и подвиги фейерверкера *А. Петрова* ѣздоваго *К. Жданко*, шт.-кап. *Лузина* и замурца поручика *Бенескула*. Дальше передано нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ, подъ заглавіями: «Тревога солдата изъ-за знамени» «Хоть умру, а самъ доведу приказаніе генерала» „Не за тѣмъ пошли, что нашли“ и др. Въ послѣднихъ 5 отдѣлахъ упоминается о 3 хъ юныхъ герояхъ—*Селезневѣ*, *Маснякинѣ* и *Качелинѣ* (о 13-тилѣтнемъ Портъ-Артурскомъ мальчикѣ-героѣ, *Николаѣ Зуевѣ*, упомянуто въ V-й гл. (84—86 стр.)) о самоотверженіи медіц. персонала, санитаровъ и сестеръ милосердія, между которыми особенно прославилась *Людмила Владим. Яковенко-Яковлева*, ротныхъ фельдшеровъ, военныхъ писарей. О супругѣ г.-а. А. М. Стесселя *Вѣрѣ Алексѣевнѣ Стессель*, самоотверженно, подъ убійственнымъ огнемъ, перевязывавшей раненыхъ и раненой въ плечо осколкомъ японскаго снаряда, упомянуто раньше (86—87 стр.).

Наконецъ въ послѣдней (VII) гл. передана интересная статья г. Эль-Эсъ („Нов. Врем.“, № отъ 8 янв. 1908 г.), подъ заглавіемъ: „Японецъ о Русскихъ“. Обстоятельно, подробно, съ любовію и уваженіемъ къ дѣлу описываетъ одинъ ученый японецъ занимающую насъ величайшую войну. Описанію этой войны онъ посвятилъ болѣе 18 томовъ. Авторъ описанія не скрываетъ своего удивленія передъ удивительнымъ мужествомъ и тою стойкостью русской арміи, которая могла сравниться только съ незыблемостію каменныхъ горъ, на которыхъ она умирала. Въ частности, вотъ что говоритъ этотъ японецъ о нашей артиллеріи, обнаружившей свое искусство въ особенности въ битвѣ при Вафангоу: „Неприятельская артиллерія (т. е. русская) стрѣляла настолько мѣтко и удачно сравнительно съ нашей (япон.), что капитанъ Такивава, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ,

прекратили огонь. Положеніе наше (япон.) было крайне тяжелое. Неприятельская артиллерія (т. е. рус.) точно опредѣлила дистанцію и ея снаряды попадали въ самую цѣль“. Въ другомъ мѣстѣ, о другихъ сраженіяхъ, онъ говоритъ: „Русскія войска, поражаемая убійственнымъ огнемъ съ нашихъ (яп.) высокихъ позицій, проявили отчаянную храбрость“ — и не скрываетъ своего восхищенія и уваженія къ блистательной храбрости нашихъ (рус.) офицеровъ (181—186 стр.).

Въ такомъ ореолѣ мужества, стойкости, храбрости, беззавѣтной преданности долгу службы и самоотверженія, словомъ въ ореолѣ геройской славы представляется русская армія въ несчастной, неподготовленной японской войнѣ по разсматриваемой нами книгѣ. И если это такъ, а это сомнѣнію не подлежитъ, то и по долгу признательности героямъ отъ отечества, и въ видахъ воспитательныхъ, и въ удовлетвореніе законнаго чувства гордости героевъ — *храбрымъ должно принадлежать безсмертіе* въ вѣчной, незабвенной памяти о нихъ въ потомствѣ и въ непрекращающейся о нихъ молитвѣ къ Богу, обладающему и живыми и мертвыми. Нелегкій трудъ, составившій содержаніе разсмотрѣнной книги, и преподнесемъ русскому обществу достопочтеннымъ авторомъ въ цѣляхъ, содѣйствія этому св. дѣлу и расположенія добрыхъ сыновъ Россіи къ выполнению этого св. долга по отношенію къ героямъ Русской арміи. Въ этомъ мы не сомнѣваемся, и еще разъ благодаримъ его за его трудъ. Вѣрится, поблагодарятъ его за это и многіе другіе, которые прочитаютъ его прекрасную книгу.

Многіе почтенные рецензенты дали уже о книгѣ весьма лестные отзывы. Такъ „Южный Край“ говоритъ: „Содержаніе книжки полно захватывающаго интереса и поучительности“ (№ 8335); въ журн. „Вѣрность“ къ словамъ А. А. Ширинскаго-Шихматова, что въ японскую войну нашимъ воинствомъ проявлено „море молодецкихъ дѣлъ, чудесъ и храбрости и отваги“, примѣчено: „Эти молодецкія дѣла, эти чудеса и храбрости и отваги“ въ яркомъ ихъ описаніи и во множествѣ примѣровъ собраны въ прекрасной книгѣ И. В. Преображенскаго „Наши Герои на Д. Востокѣ“. Книга эта достойна вниманія (№ 247—248 с. г.); въ „Добромъ Словѣ“, издаваемомъ прот. П. Левашовымъ (№ 9 за 1909 г.), напечатано: *Положительно съ восторгомъ прочитываемъ десятый разъ описаніе доблестныхъ подвиговъ по книгѣ И. В. Преображенскаго: „Наши Герои“...* Прекрасно изданная книжка читается легко и съ неослабѣвающимъ вниманіемъ (стр. 270). Отличный отзывъ о книгѣ данъ и въ „Вѣстн. в. и мор. дух.“. Такъ печать отнеслась къ книгѣ съ такою любовію и благодарностію, съ какими естественно относиться этому почтенному органу къ ближайшимъ своимъ дѣтищамъ — доблестнымъ членамъ русской арміи и духовнымъ отцамъ ихъ*).

*) Кромѣ отзывовъ о книгѣ И. В. Преображенскаго, указываемыхъ А. П. были и другіе. Такъ въ „М. Вѣд.“ за подписью Е. В. высказано: „Распространять въ обществѣ и на-

Мы же отъ себя прибавимъ, что съ разсмотрѣнной книгою, повыказаннымъ выше мотивамъ, слѣдуетъ ознакомиться всѣмъ военнымъ и юношамъ, *учащимся во вѣстьхъ школахъ* нашей родины, а въ настоящей моментъ она весьма пригодна для военныхъ лазаретовъ, которыхъ во время теперешней страшной европейской войны будетъ, къ прискорбію нашего отечества, много и у насъ. Раненые, читая ее, найдутъ утѣшеніе, что подвиги русскаго воинства прославляются.

А. П.

(„Кишин. Епарх. Вѣдомости“ № 40-й за 1914 г.).

родѣ свѣдѣнія о геройскихъ подвигахъ русскаго воина, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ не только полезно въ видахъ національно воспитательныхъ, но и составляетъ еще долгъ всѣхъ русскихъ людей предъ наиболѣ отличившимися на далекой чужбинѣ соотечественниками... Книга Преображенскаго предлагаетъ для чтенія взрослымъ и дѣтямъ, въ семьѣ и школѣ, и особенно людямъ военнаго званія и близкимъ ихъ матеріалъ не только захватывающаго интереса, но и въ высокой степени поучительный, полезный, къ знакомству съ которымъ всѣхъ соотечественниковъ нашего воинства обязываетъ долгъ уваженія, почтенія и признательности къ здравствующимъ героямъ — мученикамъ нашей родины и также долгу памяти о тѣхъ герояхъ, которые жизнь свою положили за вѣру, Царя и за Отечество на далекой языческой чужбинѣ. Воинство русское — это вся русская земля, родина наша“ (1909 г. № 67).

Въ „Россіи“ въ отзывѣ М. Кочергина читаемъ: „Многимъ, можетъ быть, покажется нѣсколько приподнятымъ общій тонъ книги. Но этотъ патриотическій паеосъ ея имѣетъ свой смыслъ: она предназначена для широкой читающей публики, давно уже питающейся литературой самобичеванія и поруганія лучшихъ страницъ русской жизни. Этой публикѣ необходима иная, болѣе здоровая пища, способная внушить вѣру въ будущее, безъ которой немислимы жизнь и ростъ народа... Если сборнику „Наши герои на Д. Востокѣ“ удастся хоть на минуту дать русскому читателю проблескъ радости и національной гордости (при воспоминавіи о безуспѣшной нашей войнѣ съ Японцами), то онъ уже выполняетъ свое назначеніе полезной популярной книги“ (№ 1016).

Книга „Наши герои на Д. Востокѣ“ одобрена къ обращенію въ войскахъ (Циркул. Главн. Штаба отъ 6 февраля 1905 г. за № 45). Особымъ циркуляромъ, Главн. Управленія Казачьихъ войскъ, послѣдовавшимъ отъ 1 апрѣля 1905 г. за № 2, о книгѣ объявлено по казачьимъ войскамъ. — Министер Нар. Просвѣщенія книга допущена въ ученическія бібліотеки нижнихъ учебныхъ заведеній (отнош. Д-та Общ. Дѣлъ отъ 14 июля 1905 г. за № 8229).

Хроника церковно-общественной жизни.

* * Вильна. Высочайшая благодарность. Ея Императорское Величество Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА Всемиловитѣйше повелѣтъ соизволила выразить искреннюю Ея Величества благодарность прихожанамъ Леонпольской церкви, Виленской губерніи, отъ коихъ поступили пожертвованія вещами въ складъ Ея Величества въ Петроградъ.

* * — Пожертвованіе Архипастыря. Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Тихономъ пожертвовано сто (100) рублей въ пользу Братства во имя Покрова Пресвятыя Богородицы для вспомошествованія недостаточнымъ учащимся Борунской церковно-учительской школы.

* * Лида, Вилен. губ. Вечеръ въ церк.-приход. школѣ. 26 дек. 1914 г. въ Лидской церковно-приходской школѣ состоялся литературно-пѣвческой вечеръ. Учащимися были исполнены извѣстнѣйшія пѣснопѣнія Рождества Христова, народный гимнь, пѣснь изъ „Богогласника“ — „Небо и Земля“ .. и прочитано много стихотвореній и басенъ Крылова въ лицахъ, а также было рассказано по памяти нѣсколько болѣе интересныхъ статей изъ учебныхъ „книгъ для чтенія“. Съ особеннымъ оживленіемъ прошла игра съ пѣніемъ пѣсенки: „Ахъ, попалась, птичка, стой“...

Въ концѣ вечера учащимся были розданы хорошіе подарки, пожертвованные женою уѣзднаго члена окружнаго суда г-жею Тимротъ. Мальчикамъ были розданы: отрѣзки матеріи на рубашки, цвѣтные карандаши, ножки къ нимъ и тетрадки открытокъ, игрушечные пистолеты, сабли, ружья, возжи, кубики для постройки домиковъ, складныя картинки. Дѣвочкамъ розданы: матерія на платья (по возрасту — отъ 5½ до 7 арш.), коробочки съ швейными принадлежностями: катушками, иглами и т. д., куклы (получены младшими), шапчики, карандаши и къ нимъ тетрадки для разрисовыванія. Всѣ получили, кромѣ того, по мѣшочку съ лакомствами. Всего было роздано 27 комплектовъ подарковъ. Цѣнность, обиліе и разнообразіе ихъ было полною неожиданностью для неизбалованныхъ ребятъ скромной начальной церковной школы.

Столь радушное отношеніе къ сей школѣ дамы высшаго общества города весьма отрадно и тѣмъ болѣе, что даже простое сочувствіе къ церковной школѣ среди интеллигенціи, предпочитающей сравнительно хорошо обеспеченныя свѣтскія школы, приходится встрѣчать не очень часто. А между тѣмъ сочувствіе и благожелательное отношеніе къ школѣ взрослыхъ даютъ учащимъ и учащимся охоту работать съ неослабѣвающей энергіей.

Благодаря тому, что въ настоящемъ учебномъ году дѣвочкамъ преподается рукодѣліе сестроу

псаломщика, для нѣкоторыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ были сшиты и теперь еще шьются изъ полученнаго матеріала платья и рубашки въ школѣ же во время уроковъ рукодѣлія, и такимъ образомъ и съ этой стороны подарки оказались для учащихся бесплатными. Т. Б.

* * Кіевъ. Галицкія древности. Въ послѣднее время, въ связи съ присоединеніемъ Галиціи, въ Юго-Западномъ краѣ появились въ довольно значительномъ количествѣ предметы галицкой древности, скупаемые у населенія Галиціи. Преобладаютъ иконы древняго письма и парчевыя ткани. Какъ теперь выяснилось, будутъ приложены всѣ усилія къ тому, чтобы собрать возможно большее количество этихъ предметовъ съ тѣмъ, чтобы они были помѣщены въ кіевскій городской музей.

(„Кіевл.“)

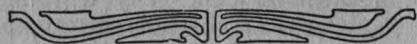
* * Сандомиръ. Оскверненіе сандомірскихъ храмовъ. „Варш. Епарх. Лист.“ сообщаетъ слѣдующія подробности о пребываніи австрійцевъ въ Сандомірѣ, который былъ во власти непріятели два раза.

Второй разъ непріятель вступилъ въ Сандомиръ въ 20-хъ числахъ сентября,—это были Венгерцы, Мадьяры. При осмотрѣ церкви ихъ первый вопросъ, какъ и Австрійцевъ, былъ: «гдѣ Русскіе попы?» Церковному сторожу, какъ русскому челоуѣку, было воспрещено не только входить въ церковь, но даже и приближаться къ зданію, гдѣ находится церковь. Затѣмъ церковь была назначена для постоа солдатъ. Было нанесено много соломы, поставлены три кровати: одна въ средней части храма, а двѣ въ алтарѣ. Престоль имъ, очевидно, мѣшалъ: они придвинули его къ жертвеннику и положили на немъ вверхъ ногами стоявшій въ правомъ углу алтаря столъ, при которомъ, облачаются священнослужители. Въ церкви солдаты спали, готовили пищу, ѣли, пили, курили; на правомъ клиросѣ устроили сапожную мастерскую. Всѣ иконы, висѣвшія въ церкви на стѣнахъ, и снесенныя въ церковь на храненіе иконы офицеровъ бригады и съ постовъ пограничныхъ—похищены; остались лишь кіоты съ нихъ. Катапетасма и двѣ новыя бархатныя хоругви похищены. У плащаницы каймы съ надписями оторваны или отрѣзаны, а продольныя—остались. Всѣ лампы у иконъ похищены. Иконостасъ остался цѣль, но металлическія маленькія иконки съ царскихъ вратъ сняты. Церковная лавочка съ крестиками, иконами и книгами разграблена. Въ ризницѣ непріятель произвелъ страшный хаосъ: тутъ и на полу, и въ сундукахъ съ разбитыми замками все было перемѣшано: и книги изъ церковной бібліотеки, и разорванные бланки, и церковныя дѣла, и облаченія, и пустые кіоты, и богослужебныя книги, и ладанъ, и уголки, и свѣчныя огарки. Въ настоящее время въ церкви нѣтъ ни креста, ни сосудовъ для литургіи.

* * Рига. Пропаганда баптизма. „Рижск. Епарх. Вѣд.“ отмѣчаютъ попытку „евангельскихъ христі-

анъ“ внести свою пропаганду въ среду православныхъ воиновъ, находящихся на излеченіи въ госпиталяхъ и лазаретахъ. Не только въ Ригѣ, но и въ уѣздахъ и другихъ городахъ Россіи, съ первыхъ же дней посѣщенія въ лазаретахъ раненыхъ воиновъ, стали появляться у нихъ съ прочими по сѣтителами и мародеры-пропагандисты баптизма.

А въ одномъ деревенскомъ лазаретѣ отважились даже на такое дерзкое предприятие—на особыхъ подводкахъ увезли изъ лазарета православныхъ солдатъ къ себѣ на молитвенное собраніе!

Помогите родной Галичинѣ!

Быстрое сосредоточеніе, а затѣмъ стремительное, „суворовское“ наступленіе нашихъ доблестныхъ войскъ къ Днѣстру и Львову и побѣды при Гнилой Липѣ спасли наши Подолію и Волынь отъ ужасовъ войны и разоренія и перенесли театръ военныхъ дѣйствій въ Галичину, въ ту древнюю нашу Галичину, которая уже 600 лѣтъ ждетъ своего освобожденія отъ иноземныхъ ига и упорно отстаивала и сохраняла свою русскую народность и свою родную вѣру.

При самомъ началѣ мобилизаціи, по всей Червонной Руси пошли аресты тысячей и казни сотенъ священниковъ, интеллигентовъ и крестьянъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто проявилъ себя болѣе яркими поборниками русской народной идеи. Враги русскаго народа захотѣли воспользоваться военнымъ положеніемъ, чтобы грубой силой искоренить то русское сознаніе, съ которымъ они были безсильны бороться культурнымъ путемъ.

До сихъ поръ выяснено, что въ занятой нами части Галичины арестовано около 10,000 русскихъ людей, а казнено болѣе 1000. Освобождено нами изъ галицкихъ тюремъ лишь около 2000, остальные вывезены вглубь Австріи и Венгріи и неизвѣстно какая ихъ постигла участь, имущество же ихъ разграблено озлобленными австрійскими жандармами, солдатами, мадьярами и нѣмцами. Мы еще не имѣемъ точныхъ свѣдѣній изъ Угорской Руси и Лемковщины, но оттуда доходятъ зловѣщіе слухи, что отступающіе австрійцы вырѣзали цѣлыя деревни и что уцѣлѣвшіе жители скрываются по горамъ и лѣсамъ.

Сколько осталось вдовъ и сиротъ, нынѣ потерявшихъ все изъ-за вѣрности своихъ отцовъ и мужей нашей общей Матери Руси!..

И мы не можемъ ихъ оставить безъ своего сердечнаго участія и безъ помощи въ хлѣбѣ, одеждѣ и топливѣ.

Вообще вся Галичина сильно пострадала, такъ какъ по ней лавиной прошли съ боемъ двѣ миллионныя арміи. Тѣ уѣзды, изъ которыхъ мы быстро и окончательно изгнали врага, сравнительно мало пострадали, но есть цѣлый рядъ другихъ уѣздовъ (Рава-русскій, Перемышльскій, Городокскій, Самборскій, Дорогобычскій, Стрыйскій, Долинскій и др.), гдѣ шли многодневные упорные бои (въ Самборскомъ уѣздѣ непрерывный бой длился четыре недѣли) и тамъ разорены совершенно цѣлые округа, деревни сравнены съ землею, хлѣбъ, скотъ все уничтожено и населеніе страшно бѣдствуетъ. А впереди голодная и холодная зима и неужели добрая и сострадательная Россія не слышитъ плача матерей и жалобнаго крика дѣтей? Она слышитъ и она отвѣтитъ...

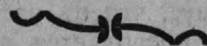
Для помощи населенію, безъ различія народности и вѣры, образованъ генераль-губернаторомъ Галичины главный благотворительный комитетъ, а также уѣздные комитеты и посильная помощь уже оказывается мѣстами деньгами, мѣстами мукой и солью. Эту помощь называлъ уже здѣшній народъ „Царской лаской“, но въ великіе дни, переживаемые нынѣ Россіей, всѣ народы ея и всѣ слои общества показали что они стоятъ за одно со своимъ Царемъ, и мы уповаемъ, что въ дѣлѣ помощи нашимъ несчастнымъ братьямъ у Карпатъ русское общество пожелаетъ также принять живое и широкое участіе.

Пожертвованія просимъ направлять во Львовъ на имя главнаго благотворительнаго комитета при генераль-губернаторѣ.

Дабы облегчить пересылку мелкихъ денежныхъ суммъ, просимъ земскія и городскія управы принимать пожертвованія и присылать таковыя во Львовъ вмѣстѣ со списками жертвователей.

Просимъ всѣ газеты напечатать нѣсколько разъ это обращеніе.

Главный благотворительный комитетъ во Львовѣ.

На Служеніе Словоу Христовой Истины.

5.

Почему въ третью недѣлю Великаго поста совершается поклоненіе Честному Кресту?

Извѣстно-ли вамъ, братіе, почему въ этотъ день, именно, въ третью недѣлю Великаго поста, торжественно выносятся Честный Крестъ для поклоненія, почему такъ часто слышится всю эту недѣлю умиленная пѣснь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресеніе Твое славимъ»? Этотъ обычай имѣетъ немаловажное значеніе.

Такъ, прежде всего, вынесеніе Честнаго Креста служить напоминаніемъ и предостереженіемъ тѣмъ, которые не приложили старанія къ очищенію души отъ всякой мерзости и грѣховной грязи, т. е. кто не началъ еще поститься, кто не готовится ни къ покаянію, ни къ святому причащенію. Этотъ святой обычай Церкви можно сравнить съ тѣмъ, что мы часто видимъ въ жизни. Такъ, нерѣдко, родители пытаются склонить своихъ дѣтей къ чему-нибудь хорошему не только ласками и угрозами, но и указаніемъ на тѣ страданія, неприятности, какія имъ пришлось перенести при ихъ рожденіи и воспитаніи, и во имя этихъ страданій просятъ родное дитя покориться

словоу родительскому. То же самое и здѣсь: указывая на Крестъ, на которомъ испилъ чашу страданій Господь, Церковь желаетъ чрезъ него склонить насъ къ посту, молитвѣ и покаянію. Смотрите, какъ бы говоритъ Церковь, Господь пострадалъ за насъ, теперь мы скорбями должны приблизиться къ Нему. Онъ понесъ Свой Крестъ за всѣхъ насъ, теперь нужно намъ донести до края могилы возложенные на насъ кресты. Можно-ли быть безпечными, когда Господь страдаетъ? Оставимъ мірское и хотя оставшееся время поста подумаемъ о небесномъ.

Съ другой стороны, указаніемъ на тотъ же Честный Крестъ Церковь предостерегаетъ безпечныхъ отъ надвигающейся опасности. Вѣдь, если по правосудію Божию Невинный былъ распятъ, то чего же ждать виновнымъ; могутъ ли они, не исправляя свою жизнь, надѣяться стать по правую сторону Господа на страшномъ судѣ? Дѣлайте доброе пока день: придетъ ночь, тогда уже никто не можетъ дѣлать, т. е. уголовляйте свое спасеніе теперь, пока не пришла смерть, возьмите на себя подвигъ

поста и доставьте радость небожителямъ, которые радуются и объ одномъ грѣшникѣ кающемся.

Но это не единственная цѣль, съ какою выносятся Честный Крестъ и христіане призываются поклониться ему. Онъ выносятся и съ тою мыслию, чтобы поддержать и утѣшить того, кто усталъ, изнемогъ, отяготился подвигомъ, впалъ въ уныніе. И, вотъ, какъ въ сильную зимнюю вьюгу звономъ колокола даютъ знать обезсилѣвшему путнику, что близокъ отдыхъ и тепло, и нужно ему лишь немного напрячь свои силы, такъ и здѣсь, въ церкви, вознося крестъ, указываютъ страждущимъ, гдѣ надо искать подкрѣпленія. Посмотрите, какъ бы говорить Церковь, посмотрите на крестъ и вспомните, что и Господь несъ его всю жизнь, т. е. и Онъ переносилъ тяжести жизни—голодь, холодъ, жажду, и что всего горше, незаслуженныя обиды. Онъ Одинъ несъ этотъ Крестъ, Ему никто не облегчалъ страданій, а намъ сострадаютъ и облегчаютъ тяжесть креста и братья по вѣрѣ—видимо и ангелы, и святые, и Самъ Господь—невидимо. Помня это, примиритесь съ мыслию, что здѣсь намъ должно перенести и темные и свѣтлые дни. Кто же усталъ идти по пути поста, или по немощи плоти, или по слабости духа, пусть припадетъ и тотъ къ подножію Креста и отдохнетъ.

Какъ истомленный длиннымъ путемъ и зноемъ солнца путникъ припадаетъ къ тѣнистому дереву, отдыхаетъ здѣсь и, набравшись силъ, снова бодро идетъ по своему пути, такъ и христіанинъ, видя предъ собою Крестъ, пусть припадетъ къ нему и подкрѣпитъ молитвой у Креста свою истомленную душу; пусть обратится онъ къ Честному Кресту съ такою молитвою: „улади наше воздержаніе, укрѣпи насъ силою сво-

ю, покланяемый днесь, Кресте Честный“. И тогда, послѣ теплой молитвы, съ души, какъ бремя, скатится и усталъ и скорбь и уныніе. Такъ дѣлали и святые подвижники. Антоній Великій, напримѣръ, въ минуты, когда его посѣщали искушенія, и устами и мыслию припадалъ ко Кресту и тѣмъ отгонялъ искушителя.

Вынесенъ святой Крестъ и съ тою еще мыслию, чтобы бодрствующихъ и постящихся воодушевить на дальнѣйшіе подвиги. Какъ и на войнѣ поднимается знамя въ трудные моменты, чтобы солдаты, видя его, не падали духомъ, но еще бы болѣе воодушевлялись и сильнѣе разили врага, такъ и здѣсь выносятся Крестъ, чтобы воодушевить христіанъ, дать имъ рѣшимость идти по тому пути, по которому шелъ и Распятый на Крестѣ Господь. Другимъ же изъ бодрствующихъ христіанъ, у которыхъ шевелится горделивое чувство услажденія собственнымъ подвигомъ, Церковь, указывая на Крестъ, хочетъ напомнить, что не гордость, а смиреніе должно имѣть въ сердцѣ. Вѣдь, что значатъ наши подвиги въ сравненіи съ подвигомъ Господа, и мы никогда бы собственнымъ подвигомъ не достигли спасенія, если бы Иисусъ Христосъ не пострадалъ за насъ.

Итакъ, братіе, взирая на Крестъ, исправляйтесь, кто въ чемъ находитъ себя отступившимъ: кто не постился—пусть не медлить уже начать время поста и покаянія, кто усталъ, обезсилѣлъ, утомился, пусть тепло молится предъ святымъ Крестомъ; кто же, хотя и свято несетъ подвигъ, но имѣлъ неосторожность превозноситься собственнымъ подвигомъ, пусть поскорѣе смирится, чтобы не утратить понесенныхъ трудовъ. Аминь. (М. Бл.).

6.

Поученіе передъ исповѣдью.

Приидите и истязимся
(Ис. I, 18).

Такъ взывалъ нѣкогда Господь чрезъ св. пророка Исаію къ Своему народу—Израилю.

Взываетъ Онъ нынѣ, возлюбленные о Господѣ братіе и чада, чрезъ того же пророка и къ намъ, ибо и мы теперь въ церкви слышимъ эти слова: *приидите и истязимся*, т. е. приходите и будемъ судиться.

Что же это за судъ, на который теперь зоветъ насъ Господь? Человѣкъ-грѣшникъ подлежитъ многимъ судамъ. Такъ, будетъ послѣдній судъ страшный, всеобщій, на которомъ на-вѣки рѣшится участь каждаго изъ насъ. Послѣ смерти каждаго человѣка бываетъ надъ нимъ судъ частный, на которомъ прежде всеобщаго суда опредѣляется его послѣдующая участь, соотвѣтственно съ тѣмъ образомъ жизни, который онъ велъ на землѣ, и для человѣка предназначаются или адскія муки или блаженство вѣчное. Но есть еще особый судъ, который человѣкъ постоянно, во все время своей земной жизни, носитъ въ себѣ, въ своемъ сердцѣ, это—судъ совѣсти, непремѣнно и неизбѣжно оцѣнивающей каждый нашъ поступокъ, каждое наше слово и даже сокровеннѣйшія наши намѣренія и мысли. Вотъ къ этому-то внутреннему суду нашей совѣсти мы нынѣ и призываемся въ эти св. и великіе дни поста.

Страшенъ, невообразимо страшенъ для грѣшника будетъ послѣдній всеобщій судъ Христовъ; не менѣе будетъ страшенъ и судъ по смерти каждаго изъ насъ. И вотъ, чтобы избавиться намъ отъ страшнаго гнѣва и прещенія Божія на судѣ всеобщемъ и по-

смертномъ, Господь, по неизреченному человѣколюбію Своему, зоветъ насъ теперь на судъ нашей совѣсти—судъ тайный, кроткій, и судіями нашихъ дѣяній дѣлаетъ здѣсь насъ же самихъ, и только въ помощь намъ и руководство поставляетъ представителя Своей божественной власти—духовника, —не ангела, ни какого-либо другого небожителя, но такого же, какъ и мы, обложеннаго немощію, человѣка, вручая однако-же ему божественное полномочіе вязать и рѣшить наши грѣхи. А чтобы мы не безпокоились и не смущались относительно важности и дѣйственности этого, никѣмъ незримаго, кроткаго суда надъ нами насъ же самихъ, только лишь въ присутствіи духовника, Господь говоритъ, что всѣ грѣхи, разрѣшенные духовникомъ на землѣ, будутъ разрѣшены и на небѣ, т. е. не помянутся ни на судѣ посмертномъ, ни на судѣ страшномъ; равно какъ не разрѣшенные духовникомъ грѣхи на землѣ не будутъ разрѣшены и на небѣ, т. е. не простятся ни на судѣ посмертномъ, ни на судѣ страшномъ, и слѣдовательно, сдѣлаются источникомъ и причиною нашего вѣчнаго осужденія, нашихъ вѣчныхъ мученій.

Видите, возлюбленные, насколько важна наша исповѣдь предъ духовникомъ: Господь, по неизреченному Своему милосердію, такъ сказать, въ самыя руки наши даетъ намъ спасеніе, и уже тутъ *исключительно* отъ насъ самихъ зависитъ: принять это спасеніе—чистосердечно и искренно раскаяться, или же отбросить отъ себя этотъ даръ любви божественной—остаться нераскаянными грѣшниками, и обречь себя, такимъ образомъ, на вѣчныя мученія...

Какъ же обыкновенно относимся мы къ сему кроткому призыву Господа на покаяніе?

*) Сказано въ Вил. Св. Троицкомъ храмѣ въ пятницу 1 седмицы Вел. Поста по окончаніи преждеосвященной литургіи.

Отвѣтомъ на это отчасти могутъ служить переживаемые нами дни. Св. Церковь уже давно зоветъ всѣхъ насъ въ храмы, на покаянную молитву, а храмы, увы! почти пусты... На улицахъ, на площадяхъ вы встрѣтите толпы народа, а на богослуженіи и малѣйшей доли того не увидите.

Что же творить безмѣрная Любовь Божія, когда люди, не внемля Ея кроткому гласу, становятся на путь вѣчной гибели? Тогда уже и Господь премѣняетъ Свой кроткій призывъ на грозный и устрашающій: кто не хочетъ слышать Его тихаго гласа, съ тѣмъ Онъ, выражаясь образно, начинаетъ говорить бурями наводненій, гуломъ землетрясеній, громомъ пушекъ и трескомъ ружей и современныхъ пулеметовъ... Господь знаетъ, конечно, что насъ не столько страшитъ *потеря вѣчнаго царствія*, сколько *потеря земныхъ благъ*, не столько устрашаютъ *вѣчныя мученія*, сколько *земныя бѣдствія*, и вотъ Онъ, Всеблагій, *устроя наше вѣчное спасеніе*, начинаетъ у насъ отнимать блага земныя и устрашать земными бѣдствіями. И тутъ-то мы приходимъ въ великій страхъ и ужасъ, но не отъ того, что намъ грозитъ *вѣчная* гибель, а отъ того, что страшитъ насъ *временной* жизни и *временныхъ* благъ...

Оставимъ же наше неразуміе крайнее и уразумѣмъ, наконецъ, въ чемъ наше спасеніе и въ чемъ гибель...

Надъ нами занесенъ уже мечъ гнѣва Божія, каждую минуту готовый опуститься; и мы мятемся и суедемся чрезвычайно, но при этомъ ничего другого не дѣлаемъ, какъ только наводимъ справки о томъ, много ли проникло къ намъ враговъ и много ли выставлено нашихъ войскъ противъ нихъ, а совершенно забыли слова св. пророка и царя Давида, которыя теперь часто слышатся въ церкви: *не спасетъя царь мноюю силою своею, и исполнъ не спасетъся множествомъ крѣпости своея: ложъ конь во спасеніе, (т. е. надеженъ конь для спасенія), во множество же силы своея не спасетъся. Се очи Господни на*

боящіяся Его, уповающія на милость Его: избавити отъ смерти души ихъ и препитати я во гладъ (Пс. XXXII, 16—19). Вотъ гдѣ, значитъ, наше спасеніе—въ Господѣ, Который занесъ надъ нами Свой мечъ, Который Одинъ только и можетъ его отнять...

Еще три дни и Ниневія превратится, говорилъ нѣкогда отъ имени Божія св. пр. Иона (III, 4). И повѣрили Ниневитяне, и покаялись и исправили свою жизнь. *И видѣ Богъ дѣла ихъ яко обратишася отъ путей своихъ лукавыхъ: и раскаяся Богъ о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ, и не сотвори (10). Еще нѣсколько дней, и В—а можетъ превратиться*, говоритъ намъ теперь Господь не черезъ пророка Иону, а голосомъ самыхъ совершающихся событій, ибо враги нападаютъ на насъ. Что же намъ дѣлать? Поспѣшимъ-же, возлюбленные, послѣдовать примѣру Ниневитянъ, и Господь спасетъ насъ такъ же, какъ и ихъ спасъ... Поспѣшимъ на призывъ Церкви къ покаянію отвѣтить искреннимъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ во всѣхъ грѣхахъ своихъ передъ о. духовнымъ нашимъ, сбросимъ съ себя наше *непротитительное холодное тупое равнодушіе къ дѣлу вѣчнаго спасенія нашего, нашу духовную спячку, нашу безпечность и окаменѣніе!* Пусть выведутъ насъ изъ такого пагубнѣйшаго состоянія и пусть какъ громъ небесный звучать въ нашихъ ушахъ слова Господа, обращенныя нѣкогда къ Израилю: *еще хотите, и слушаете Мене, благая земли снѣсте: яще же не хотите, ниже слушаете Мене, мечъ вы поястъ: уста бо Господня глаголаша сія (Ис. I, 19—20). Аминь.*

Архимандритъ ЛАВРЕНТІЙ.

